

Андрей Ганин
**«ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ СРЕДИ ВРАГОВ»
БЫВШЕГО ГЕНЕРАЛА АНАТОЛИЯ НОСОВИЧА**

АННОТАЦИЯ

Публикация воспоминаний белого агента в Красной армии, начальника штаба Северо-Кавказского военного округа и помощника командующего советским Южным фронтом бывшего генерала А.Л. Носовича. Воспоминания А.Л. Носовича сохранились в его личном архиве во Франции и публикуются впервые под научной редакцией и с подробным комментарием д.и.н. А.В. Ганина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Гражданская война в России; Красная армия; белое подполье; А.Л. Носович; мемуары; Южный фронт.

МЫ УЖЕ НЕ РАЗ ОБРАЩАЛИСЬ к документам архива крупного белого агента в Красной армии генерал-майора **Анатолия Леонидовича Носовича** (09.10.1878–25.01.1968)¹. Архив генерала хранится в Библио-

¹ Подробнее см.: Ганин А.В. «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А.Л. Носовича из Красной армии // Клио (Санкт-Петербург). 2017. № 1 (121). С. 165–175; *Он же*. Анатолий Носович: «Я мог сдать Царицын белым...» Противостояние белых подпольщиков и И.В. Сталина в штабе Северо-Кавказского военного округа // Родина. 2017. № 7. С. 118–121; *Он же*. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–34; *Он же*. Арест и освобождение сотрудников штаба Северо-Кавказского военного округа в августе 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3 (10). С. 32–51; *Он же*. И.В. Сталин в мемуарах белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XV. «Гороховая, 2». СПб., 2017. С. 190–199; *Он же*. Воспоминания генерала А.Л. Носовича о работе белого подполья в 1918 году // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность. М., 2017. С. 89–98; *Он же*. Воспоминания белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича: характеристика и проблема верификации источника // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 67–77; *Он же*. Революционные события 1917 г. в освещении генерала А.Л. Носовича // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 176–184; *Он же*. Новые

теке современной международной документации в парижском пригороде Нантер. Эти материалы были выявлены и изучены нами в 2014 г. С тех пор удалось с разных сторон проанализировать биографию А.Л. Носовича, его подпольную работу, опубликовать ряд документов, дать оценку характеру и особенностям написанных генералом воспоминаний. Однако сами воспоминания до сих пор опубликованы не были.

Основную часть архива Носовича составляют несколько редакций неопубликованных воспоминаний генерала. Прежде всего это ранняя по времени написания краткая рукописная редакция воспоминаний «Шесть месяцев среди врагов» и позднейшая развернутая машинописная редакция «Шесть месяцев среди врагов России», имеющие большое значение для изучения истории Гражданской войны и истории Красной армии.

Краткая редакция воспоминаний написана по горячим следам событий (в тексте указаны две датировки — 12 и 22 ноября 1918 г. по новому стилю, во втором случае приведено и место написания — Новороссийск) в период вынужденного бездействия генерала под арестом у белых. Она охватывает период от демобилизации старой армии в феврале 1918 г. и до прибытия Носовича в белый Екатеринодар в ноябре того же года. В плане достоверности однозначного приоритета между редакциями нет. Какие-то свидетельства представляются более достоверными в каждой из них, поэтому единственным методом анализа этих материалов является сопоставление и проверка всех сведений.

Помимо краткой и развернутой версий воспоминаний Носовича, его перу принадлежит цикл статей о жизни в Советской России, о Красной армии, видных советских военных деятелях и партийных работниках, положении военспецов. Статьи публиковались Носовичем под псевдонимом А. Черноморцев (в архиве генерала сохранилась его переписка, в которой прямо упоминался этот псевдоним) в журнале «Донская волна», издававшимся при белых в Ростове-на-Дону². Разумеется, эти статьи имели ярко выраженную пропагандистскую направленность.

документы о подпольной работе в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019. С. 415–430; *Он же*. «Квинтэссенция кретинизма». Антибольшевистское движение на Юге России в оценках белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 3 (18). С. 6–24.

² Черноморцев А. Красный Царицын // Донская волна (Ростов-на-Дону). 1919. № 6 (34). 3 февраля. С. 6–10; *Он же*. Подвойский, Сытин и другие // Там же. № 8 (36). 17 февраля. С. 10–12; *Он же*. Красный Сиверс // Там же. № 10 (38). 3 марта. С. 14–16; *Он же*. Вождь красных И.И. Вацетис // Там же. № 11 (39). 10 марта. С. 7–10; *Он же*. Миронов, Киквидзе и Захаревич // Там же. № 12 (40). 17 марта. С. 7–8; *Он же*. Ноев ковчег // Там же. № 16 (44). 14 апреля. С. 14–16; *Он же*. Бывшие офицеры // Там же. № 17 (45). 21 апреля. С. 10–11; *Он же*. Гиттис // Там же. № 21 (49). 9 июня. С. 6–7; *Он же*. Красная армия // Там же. № 21 (49). 9 июня. С. 7–10; *Он же*. После падения Царицына // Там же. № 26 (54). 7 июля. С. 6–7; *Он же*. Вожди красных // Там же. № 27 (55). 21 июля. С. 13–15; *Он же*. Белогвардейцы в совдепии // Там же. № 27 (55). 21 июля. С. 15–16; *Он же*. Бывший генерал Каменев // Там же. № 32

Кроме того, опубликован доклад Носовича белому командованию (конкретный адресат неизвестен) о секретной работе с 21 апреля по 11 октября 1918 г. (в советских копиях ошибочно по 1 октября, тогда как 11 октября старого стиля (24 октября по новому стилю) — дата бегства Носовича к белым). Этот документ получил известность еще в 1930-е гг. в кругу советских вождей: одна копия сохранилась в личном архиве И.В. Сталина³, а другая — в личном архиве К.Е. Ворошилова⁴. Еще одна копия сохранилась в подготовительных материалах к составлению «Истории Гражданской войны» сектора истории Гражданской войны института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)⁵. Копия этого же доклада хранится и во французском архиве Носовича, причем на его экземпляре отмечено, что документ отправлен адресату 21 января, видимо, 1919 г. (3 февраля по новому стилю)⁶.

Публикуемая краткая редакция воспоминаний Носовича объективнее и конкретнее статей и значительно подробнее доклада. Мемуары представляют ценность как свидетельство высокообразованного генштабиста, высокопоставленного советского военного деятеля и при этом тайного противника большевиков, руководителя подпольной организации. Особенно интересны они в силу того, что это одно из немногих неподцензурных свидетельств о деятельности И.В. Сталина в Царицыне летом 1918 г. Причем свидетельство, которое может корректировать устоявшиеся ранее представления⁷.

Оригинал рукописи хранится в Библиотеке современной международной документации (Нантер, Франция)⁸. Там же сохранился машинописный вариант этой редакции воспоминаний, который имеет некоторые отличия (одни детали Носович в машинописной редакции скрыл, другие —

(60). 10 ноября. С. 13–14. Их републикацию д.и.н. А.В. Венковым см.: *Носович А.Л. (А. Черноморцев). Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. М., 2010.* К сожалению, при публикации не были указаны ссылки на исходные статьи, пропущены статьи о Р.Ф. Сиверсе, Н.И. Подвойском и П.П. Сытине, а также допущены некоторые неточности.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 819. Л. 47–58.

⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 76. Л. 2–17. Публикацию этой копии доклада см.: «Вредить большевизму всеми возможными способами». Белый агент в Красной армии // *Источник*. 1999. № 5. С. 61–67. При публикации отсутствовала ссылка на место хранения документа и допущен ряд неточностей.

⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 544. Л. 108–122.

⁶ Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). *Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). F. Nossovitch. F Δ rés 843. V. 1. (1) (3).*

⁷ Подробный анализ особенностей этих воспоминаний см.: *Ганин А.В. Воспоминания белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича: характеристика и проблема верификации источника // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 67–77. Непосредственно о характеристиках Сталина в различных редакциях воспоминаний Носовича см.: Ганин А.В. И.В. Сталин в мемуарах белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича // *Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XV. «Гороховая, 2».* СПб., 2017. С. 190–199.*

⁸ BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. (1) (2) (1).

добавил)⁹. Все это предопределяет сложность работы с этим источником и подготовки его публикации. Настоящая публикация подготовлена по рукописи, сверенной с машинописным вариантом с включением имеющих значение исправлений и дополнений.

А. Л. Носович, 1917 г.

⁹ ВДИС. F. Nossowitch. F Δ rés 843. (1) (9).

Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Опечатки, явные ошибки и несогласованность окончаний исправлены без оговорок. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Рукопись сверена с машинописным текстом с внесением комментариев и дополнений. Выявленные неточности пояснены в комментариях. Все даты по истории России до февраля 1918 г. в комментариях приведены по старому стилю. В биографических комментариях не указываются сведения о судьбах упомянутых лиц до и после Гражданской войны в России, если этого не требует логика изложения материала.

Вступительная статья, публикация и комментарии д.и.н. А.В. Ганина.

Вместо введения (начало 30/X 12/XI 1918 г.)

Сейчас слышу смену часовых: «Под сдачей состоят три строго арестованных лица...» монотонно гнутит молодой казачок...

Эти три арестованных: захваченный мною в плен во время моего побега из «Совдепии» от большевистского правительства комиссар Бутенко Петр Александрович¹⁰ раз; мой адъютант подпоручик Садковский Лев Сергеевич¹¹, правая рука и активный исполнитель побега два; и я, Ваш покорный слуга, генерал-майор Носович Анатолий Леонидович, небезызвестный русский спортсмен по многим отраслям спорта (родной брат знаменитого знатока чистокровной лошади Сергея Леонидовича Носовича¹²) три. Подробности моего побега и объяснения, как я попал в положение строго арестованного будут предметами особой главы под заглавием «Два побега», но уверяю моего читателя, да будет он доверчив, что я «строго арестован» по многим «строго национальным» времен удельно-вечерного периода недоразумениям.

Я уже давно хотел начать мои воспоминания, но обстоятельства кочевой жизни, опасность всяких «совдепов» и чрезвычайно сложная и трудная, подчас до крайности напряженная работа, заставляла откладывать начало работы.

Теперь, полагая, многое отпало. Идет та же напряженная работа. Но идет и большая переоценка ценностей.

И вот, ввиду всех этих обстоятельств, в связи с вышеуказанным безделием, т.е. наличием 24 часов отсутствия работы, я взялся за перо. Начало моих воспоминаний изложит [?] начало ответственной службы командиром 466[-го] пех[отного] Малмыжского полка. Конец — будет зависеть от судьбы.

¹⁰ **Бутенко Петр Александрович** — член РКП(б), комиссар штаба 8-й армии. Захвачен А.Л. Носовичем при переходе к белым. Казнен белыми.

¹¹ **Садковский Лев Сергеевич** (20.02.1896–04.03.1948) — сын протоиерея, подпоручик, адъютант А.Л. Носовича. В 1919-м — в Вооруженных силах на Юге России. Попал в плен. В РККА (1920–1921). Пострижен в монашество (1922). Неоднократно арестовывался. Епископ Георгий (с 1933). Арестован (1935), приговорен к десяти годам лишения свободы. Вышел на свободу (06.1945). Умер в Псково-Печерском монастыре.

¹² **Носович Сергей Леонидович** (18.02.1866–10.02.1919) — брат автора воспоминаний, полковник, управляющий Деркульским государственным конным заводом. Убит бандитами.

Началом, таким образом, будет 8^е октября 1916 года, когда я вечером приехал в штаб моего полка, на позицию под гор[одом] Станиславовым. Беру этот срок, отдаленный от начала наших бурных дней за целые пять месяцев, затем, чтобы возможно ярче оттенить происходившие перемены в родной для всех русских людей армии. Затем чтобы подчеркнуть всю сизифову работу, весь каторжный труд и все моральные переживания, которые пришлось перенести цветущей русской нации — ее офицерству. Хочу показать, насколько это будет возможно моему слабому перу, как жестоко было неправо культурное общество России по отношению к защитнику «величия Родины» офицеру и подчеркнуть, что не будь индифферентизма и высшего эгоизма тыловой аристократии, наш Черноморский флот сам бы гордо шел на помощь в Марсель или Венецию, везя с собой транспорты наших войск и наших богатств в союзные и дружеские с нами державы, а не мы трепетно читали телеграммы о появлении давно жданных избавителей.

Попутно ставлю себе задачей затронуть и выяснить некоторые вопросы, которые можно подвести под общую рубрику: «Способы служения Родине с момента первого переворота». Ибо в данном случае создается такое разногласие и разномнение, что, мне кажется, все-таки следует вопрос таковой важности выяснить, хотя бы только для того, чтобы не разделить Россию на несколько снова враждебных лагерей; одни из которых могли бы гордо говорить: «Благодарю Тебя, Господи, что мы не такие, как те мы[тари? текст оборван], а другие, быть может, и значительно больше потрудившиеся для спасения обьятой пламенем родной постройки, не раз кидавшиеся в самый пламень и имеющие следы страшных ожогов на своем теле и сердце». Только, из скромности своей, стоя вдали шептали бы, под презрительными взглядами первых: «Прости, о Господи, мои прегрешения». Полагаю закончить этим свое краткое введение, предупредив моих читателей, что впереди они, вероятно, встретятся и с другими вопросами, не затронутыми в[о] введении, но трудно в былых очерках маленького вступления дать программу всех вопросов, бурливших как громадный водопад в течение свыше двух лет.

Начато [в] г. Новороссийск
9/22 ноября 1918 г.

Анатолий Леонидович Носович
«Шесть месяцев среди врагов»¹³

Очерки событий моих работ с момента отъезда
из г. Киева 1/13 марта¹⁴ 1918 г.

«Артиллеристы-солдаты, обстреливающие родной город для отбития его от врага, не повинны в крови и смерти их близких и родных — цветы и слезы радости являются их наградой за понесенные нравственные муки!»

¹³ В машинописном варианте приписка от руки: *Имена действующих лиц — «секретны!»*.

¹⁴ На самом деле 1 марта соответствовало 14 марта нового стиля.

Родине

О Русь святая! О тебе молюсь
Я так тебя люблю безмерно,
И для тебя отдать клянусь
Я жизнь свою нелицемерно.
Живи во славе. Будь могуча
И под крылом родным не страшна бури туча.
Под сению своей ты русских век оборони...
О, Русь Святая! Бог Тебя храни.

А. Носович

29 окт[ября] 1918 г., Новочеркасск
городск[ая] гауптвахта

1. Подготовительный период.

В предыдущих моих записках «Два побега» я касался более популярной. описательной стороны моих скитаний, приключений и переживаний. Настоящие записки имеют задачу разобрать более детально вопрос большевизма и моего с ним соприкосновения со стороны, с которой мне пришлось с ним столкнуться, а попутно оттенить те сложные вопросы и переживания, которые выпали на мою долю. Кроме того, главной моей задачей в этих записках я ставлю представление самых ясных доказательств, оправдывающих, скажу больше, яснейшим образом подтверждающих необходимость принятия мною возложенного на меня поручения, всю его сложность и отсюда, как вывод, признание полезности выполнения этой трудной задачи.

Киев 18-го февраля 1918 г. оказался занятым немецкими войсками¹⁵. Мне кажется напрасен будет труд описания всех переживаний и нравственных потрясений русского офицера, видящего воочию торжествующего нагло-подлого врага (игра на развал армии противника идеями большевизма иначе, как подлостью, названа быть не может) и пребывание среди врагов единой России «самостийников» всех тонов и оттенков: таковое пребывание мне оказалось совершенно невозможным.

Все попытки установить связь с какою-либо организацией, поставившей своею целью Единую Россию, успеха не имели, да и иметь не могли: связь временно была нарушена.

Обстановка, между тем, была чрезвычайно сложная: известий и газет никаких, ибо все шло сквозь сито украино-немецкой цензуры; слухи о мире опровергались очевидной войной, которую вели, с какими-то русскими, старый враг России — немец и вновь появившийся «самостийник»; в окнах магазинов появилась «мапа»¹⁶ Великой Украины «аж» со всем Кавказом, Курском, Воронежем и нижним течением Волги; среди офицерства начали циркулировать слухи об интернирова-

¹⁵ Мемуарист неточен. Немцы заняли Киев 1 марта 1918 г., то есть 16 февраля по старому стилю.

¹⁶ Карта (укр.).

нии русских офицеров, не желающих записаться в украинцы, в Германию в качестве военнопленных; одним словом вся обстановка, взятая ли вместе или порознь, не позволяла ни одному энергичному офицеру оставаться на Украине.

До моего отъезда я посетил генерала А.М. Драгомирова¹⁷ на предмет возможности пробраться в Добровольческую армию¹⁸. Но оказалось, что в данный момент у генерала Драгомирова была потеряна всякая связь с Кавказом и Доном. Мое же решение отправиться в Москву, там ориентироваться, найти связь с Добровольцами¹⁹, было одобрено генералом.

Первого марта старого стиля²⁰ я выехал из Киева верхом, избрав маршрутом направление: Нов[ая] Басань — Прилуки — Ромны — Сумы. В последнем я хотел продать свою лошадь и ехать в Москву поездом.

Такое направление было кратчайшим, проходило по полосе второстепенных боевых столкновений, приводило меня в г. Сумы, где живут две моих родных сестры. Направления 1) на Бахмач 2) на Гребенку и далее Полтаву не сулили удачи, так как проезд вдоль линии жел[езной] дор[оги], где происходили жестокие бои, давал наибольший процент неудачи.

В моих воспоминаниях «Два побега» мною подробно описаны все злоключения русского человека, имеющего счастье сильно любить Родину. Здесь мне хочется более рельефно подчеркнуть факты, при помощи чего я получил возможность войти в доверие правящих кругов большевизма. Доверие явилось несомненно результатом той сердечной искренности моих действий и разговоров на допросах, которые были скорее похожи на то, что я являлся обвинителем и допрашивающим, а не наоборот.

Постараюсь объяснить это положение.

После вступления немцев на Украину я был более, чем уверен, что позор Брестского мира, с одной стороны и хищническое поведение не только немцев, но и многих других, рвущих тело России на части, с другой, произведут должное впечатление на русских людей. Я был уверен, что вслед за занятием Киева немцами и изменой России Радой²¹ последует мощный взрыв патриотизма. Для меня в данный момент было безразлично, с кем сражаться рядом, но лишь бы сражаться против торжествующего врага и за идею единой Великой России.

Я ставил и всегда поставлю своим девизом, что при внешней опасности все партии должны соединиться воедино. Я был в твердой уверенности, что наши доблестные союзники, учтя наше болезненное состояние, протянут нам своевер-

¹⁷ Драгомиров **Абрам Михайлович** (21.04.1868–09.12.1955) — генерал от кавалерии, проживал в Киеве (1918). С 09(22).08.1918 — в Добровольческой армии, помощник главнокомандующего. В дальнейшем — один из руководителей Белого движения на Юге России.

¹⁸ **Добровольческая армия** — антибольшевистское вооруженное формирование на Юге России в конце 1917 — 1919 гг., ставшее в дальнейшем ядром Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР).

¹⁹ В данном случае — с Добровольческой армией.

²⁰ В машинописном варианте — *нового стиля*.

²¹ **Украинская Центральная Рада** — представительный орган власти Украинской народной республики, распущенный с приходом к власти гетмана П.П. Скоропадского.

менно свою руку. Будущее показало, что в первом положении я полностью ошибся. Второе же оказалось совершенно²² справедливым.

Итак, имея руководящим началом вышеуказанную идею, я, попав в руки большевиков, на всех их многочисленных впоследствии допросах и во время моего двукратного вывода к расстрелу, ни одной минуты не переставал громить их вообще, жестоко критиковать их военные ошибки, которые они совершали, сражаясь против немцев, в частности. Помню в момент вывода 7/20 марта меня к расстрелу, я прямо ругательски ругал комиссаров, говоря, что я еду для борьбы против общего внешнего врага, что для меня нет партий, если есть враг, что они такими офицерами, как я, не накидаются, ибо таких осталось немного. Такое мое совершенно искреннее поведение, конечно, произвело должное впечатление и дошло, вероятно, в значительно преувеличенном размере до верховных заправил. Первым ударом моей идее было открытие, что против немцев борются лишь новоявленные южнорусские республики. Великобритания же, захваченная цепкими лапами интернационализма, лишь исподтишка помогала им частью деньгами, частью оружием. Это вынудило меня отклонить все предложения тогдашнего главковерха Антонова-Овсенко²³ и спешно выехать в Москву.

Все дальнейшие разговоры, которые мне пришлось вести с главными и неглавными комиссарами, ясно показали, что для этой интернациональной сволочи Родины не существует и существовать не может, что все они от мала до велика, от образованнейших до самых темных, попросту говоря, бандиты и разбойники. Моя идея о реставрации сопротивления немцам, основанная на общем взрыве патриотизма, потерпела фиаско. Прежняя моя уверенность, что нам будет нужна лишь²⁴ материальная помощь союзников, оказалась несостоятельной. Месячное во время моего захвата изучение толщи красноармейской среды, близкое столкновение с самой гущей среднего комиссарского элемента; прошлый опыт командования строевыми частями уже после переворота — все вместе взятое настоятельно приводили к выводу, что не только материальная, но и активная помощь союзников нам необходима. И я решил, что сообразно обстановке мне необходимо войти в связь с нашими союзниками; высказать им свои идеи²⁵, а, кроме того, предложить Добровольческой армии, единственной завязи национального самосознания, свои силы на общее служение идее великой России. Так я и поступил.

Прибыв в Москву 9 апр[еля] / 27 марта, я должен был немедленно явиться в высшее военное руководство²⁶ большевиков к М.Д.²⁷ Бонч-Бруевичу²⁸, как пере-

²² В машинописном варианте исправлено на: лишь на малый %.

²³ **Антонов-Овсенко Владимир Александрович** (09.03.1883–08.02.1938) — революционер, Верховный главнокомандующий советскими войсками Юга России (03–05.1918).

²⁴ Вычеркнуто: *незначительная*.

²⁵ В машинописном варианте исправлено на: мысли.

²⁶ Очевидно, речь идет о Высшем военном совете.

²⁷ В документе инициалы Бонч-Бруевича указаны ошибочно — Д.М.

²⁸ **Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич** (24.02.1870–03.08.1956) — бывший генерал-майор, военный руководитель Высшего военного совета (1918), один из создателей Красной армии.

сланный из Харькова в его распоряжение, ибо его телеграмме я был обязан своим освобождением. Там я, ссылаясь на пережитое и нервное расстройство, не принимал предлагаемых мест, а сам тем временем наводил всевозможные справки. Таким образом, я на второй или третий день попал во французскую миссию к *général Lavergne*²⁹ и *col[onel] Corbel*³⁰. Ниже будет видно, почему я, попав столь скоро к союзникам, вошел в сношение с Добровольческой армией значительно позже. При первом же моем посещении миссии я говорил с генер[алом] Лавернь и горячо ему доказывал, что без их настоящей поддержки, т.е. войсками; так сказать без союзного каркаса, нам создать единую Великую Россию не представится возможным. Мои доказательства имели основанием мое военное образование и богатый строевой опыт, который дал мне большое знание русского солдата и офицера. Вот краткое прохождение моей жизни и службы: с детства среди военных и солдат, кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, восемь лет строя, три года академии Генерального штаба и окончание ее по первому разряду³¹; почти четыре года военного преподавания в двух военных училищах тактики и военной истории. Настала война: в первый день мобилизации я получаю эскадрон, коим командую свыше года, помощник командира полка по строевой части, командир пешего стрелкового дивизиона при 3^{ей} гвардейской кавалерийской дивизии, 23-го сентября³² 1916 года я получаю 466^ю Малмыжский пех[отный] полк, с коим³³ веду успешное наступление от Станиславова к Калушу³⁴; 15-го августа 1917 получаю бригаду в 11^ю пех[отной] дивизии, где январь и февраль временно таковой командую. Ген[ерал] Лавернь совершенно согласился с моими доводами, и мы решили держать связь. Таковая связь выразилась в желании г[енерала] Лавернь, дабы я получил место военного руководителя Мурманского полуострова, что и было почти достигнуто, но по рекомендации французского посла Нуланса³⁵ это место получил ген[ерал] Ник[олай] Ив[анович] Звезгинцев³⁶. Моя

²⁹ Генерал Лавернь. **Лавернь Жан-Франсуа-Анри-Мари-Гийом** (1869–1951) — генерал, глава французской военной миссии в России (05–10.1918).

³⁰ Полковник Корбель. В позднейших документах — подполковник. **Корбель Эмиль** — подполковник, сотрудник французской военной миссии в России.

³¹ По службе Генерального штаба я не пошел, отчислившись от его состава, спустя почти два года, по собственному желанию. Причинами были полная неприемлемость характера бумажной работы и моей природы плюс полнейшая невыгодность служебная и материальной стороны дела (**примеч. А.Л. Носовича**). Здесь и далее примечания автора, если они уточняют основной текст, вынесены в сноски. Если же они продолжают основной текст, внесены в него в качестве вставок.

³² В машинописном варианте исправлено — августа.

³³ В машинописном варианте далее: в 8-ой армии под командой ген[ерала] Корнилова.

³⁴ За это наступление получаю Георгия 4[-й] степ[ени], генеральский чин и представление к Георгию 3^{ей} степени; последнее уже не разбиралось, ибо Дума 3^{ей} степени не могла быть собрана за большевистским переворотом (**примеч. А.Л. Носовича**). Орден Св. Георгия 4-й ст. Носович получил за прорыв 25 июня 1917 г. под городом Станиславовым.

³⁵ В документе — Нуланса. **Нуланс Жозеф** (29.03.1864–09.09.1944) — посол Франции в России (1917–1918), активный участник подпольной антибольшевистской деятельности.

³⁶ **Звезгинцев (Звезгинцов) Николай Иванович** (14.05.1877–27.11.1932) — генерал-майор, участник антибольшевистского подполья, командующий войсками Мурманского края. Летом 1918 г. способствовал переходу региона под контроль белых.

задача состояла бы в облегчении занятия полуострова союзными войсками. Таковая и была с успехом выполнена ген[ералом] Звягинцевым, а сдачу Архангельска выполнил ген[ерал] Потапов³⁷.

Связавшись, таким образом, с союзниками, я употребил некоторые усилия для разведки приемлемости таковой их помощи, т.е. выяснений на этот предмет взглядов ген[ерала] Бонч-Бруевича, его начальника штаба ген[ерала] Сулеймана³⁸ и кое-кого из комиссаров. В данном направлении я потерпел полный неуспех. Как ни странно, в сущности все они ненавидели немцев до глубины души, но ни у кого из них не хватало мужества вновь рука об руку с союзниками выступить против немцев. А таковая рука все время настойчиво тянулась к правящим кругам. Продавшиеся немцам, они чувствовали, что только анархия их помощница и союзница и проявление какого бы то ни было порядка — есть их погибель. На мои настойчивые разговоры по этому вопросу ген[ерал] Бонч-Бруевич ответил, что нашим союзникам не нужна могучая великая Россия.

Тем временем в Москве шли усиленные обыски и борьба большевиков частью с настоящими контрреволюционными организациями, и частью — с различными маскированными под анархистов обществами. В виду такого положения связь с отделом Добровольческой армии наладить даже мне было очень трудно. Подчеркиваю, «даже мне», ибо я волею судеб остановился на жительство в знакомой семье, где имел постоянное пребывание начальник штаба³⁹ этого отдела полковник⁴⁰ Борис Алексеевич Страдецкий⁴¹. Сам полковник уехал еще до моего прибытия в армию для восстановления связи. И только в конце апреля — начале мая организация, беспокоившаяся его долгим отсутствием, прислала вахмистра «Сережу» для запроса. Через этого Сережу я тотчас же попал в организацию и увиделся с подполковником⁴² Бреде⁴³ и Перхуровым⁴⁴. В это же приблизительно время

³⁷ Мемуарист ошибается — Н.Д. Потапов был полковником старой армии. **Потапов Николай Дмитриевич** (1885–08.12.1919) — бывший полковник, военный специалист РККА. Командир сформировавшейся в Архангельске дивизии, участник антибольшевистского переворота 02.08.1918.

³⁸ **Сулейман Николай Александрович** (06.05.1878–1942) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Начальник оперативного управления Высшего военного совета (1918).

³⁹ В машинописном варианте: пом[ощник] нач[альника] штаба.

⁴⁰ В документе чин указан между именем, отчеством и фамилией.

⁴¹ **Страдецкий Борис Алексеевич** (20.12.1878-?) — полковник, командирован в январе 1918 г. из Ростова-на-Дону в Москву для связи с подпольными антибольшевистскими организациями, один из руководителей антибольшевистского подполья в Москве в начале 1918 г., член «Союза защиты Родины и свободы», в штабе московского отдела Добровольческой армии. В дальнейшем — участник Белого движения на Юге России. Убит.

⁴² Мемуарист неточен. Ф.А. Бреде (Бриедис) и А.П. Перхуров были полковниками.

⁴³ **Бреде (Бриедис) Фридрих Андреевич** (23.06.1888–27/28.08.1918) — полковник, член подпольного антибольшевистского «Союза защиты Родины и свободы». Арестован ВЧК 23.07.1918. Расстрелян.

⁴⁴ Означенная организация возглавлялась Бор[исом] Савинковым, и мое назначение было с ведома его (**примеч. А.Д. Носовича**). **Савинков Борис Викторович** (19.01.1879–07.05.1925) — эсер, террорист, организатор и руководитель подпольного антибольшевистского «Союза защиты Родины и сво-

большевиками мне было сделано предложение занять место начальника штаба вновь образуемого Северного Кавказского округа⁴⁵.

Вообще в шта[бе] московск[ого] отдела Д[обровольческой] а[рмии] разбирались три положения для использования меня: а) посылка непосредственно в Добр[овольческую] армию, б) в один из приволжских городов на предмет устройства там центра мятежа, в) в виду моего особого положения — использовать меня на предмет проникновения в центр большевистской военной организации для активного саботажа.

Первое положение отпадало, так как приезд одного человека в больших чинах не играл большой роли, а, кроме того, связь была в настоящее время чрезвычайно трудна: из 10-ти посланных гонцов шесть вернулось, а четыре пропало. В силу этого выехал сам полковник Страдецкий. При получении же мною штаба Северо-Кавказского округа счастливо сочетались второе и третье положения⁴⁶. На основании этих соображений я и получил указания от штаба московского отдела Добровольческой армии взять предлагаемое место начальника штаба и по возможности выполнить пункты: б) устройство центра мятежа и в) активно саботировать.

Мне осталось только повиноваться, ибо таковое условие — повиновение — есть третья обязанность каждого⁴⁷. Я принял место нач[альника] штаба.

С этого времени я приступил к активной работе в рядах Добровольческой армии. Это случилось в начале мая.

Мне предстояла самая деликатная часть работы — формирование штаба. Необходимо было иметь надежных помощников. Дело облегчилось тем, что формирование артиллерийского управления взял на себя Л[ейб]-гв[ардии] Конно-артиллер[ийской] бригады полковник Чебышев Вл[адимир] Петр[ович]⁴⁸, в квартире которого и жил полк[овник] Страдецкий⁴⁹. Через родственника Чебышева

боды». **Перхуров Александр Петрович** (01.01.1876–22.07.1922) — полковник (впоследствии — генерал-майор), начальник штаба «Союза защиты Родины и свободы».

⁴⁵ Так в документе, правильно — Северо-Кавказского.

⁴⁶ А.Л. Носович был назначен начальником штаба Северо-Кавказского военного округа с 04.05.1918.

⁴⁷ В условиях принятия в партию стояло категорическое правило: «Каждый поступивший в Добровольческую армию не имеет права отказаться от возлагаемого на него поручения под страхом смертной казни» (*примеч. А.Л. Носовича*).

⁴⁸ **Чебышев Владимир Петрович** (26.02.1884–1919) — племянник выдающегося математика П.Л. Чебышева, полковник гвардии, военный специалист РККА. Начальник артиллерийского управления штаба Северо-Кавказского военного округа (с 05.05.1918). Участник антибольшевистского подполья. В Главном артиллерийском управлении. Арестован в Москве (14.11.1918). По данным Главной военной прокуратуры, расстрелян 18.01.1919 (*Чебышева К.В.* Пять поколений представителей семьи Чебышевых. М., 1997. С. 40–41). По данным дочери Чебышева, летом 1919 г. переведен из тюрьмы в Царицын и расстрелян (Там же. С. 42). По третьей версии, бежал к белым, зачислен в резерв чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР генерал-майором (с 12(25).02.1919). Убит летом 1919 г. под Царицыном (*Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 2. С. 612).

⁴⁹ По советским учетным документам Носович действительно весной 1918 г. жил в Москве на квартире В.П. Чебышева по адресу: Большая Дорогомилловская улица, 20 (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 110б.).

получил двух надежных адъютантов; бежавшего со мной подпор[учика] Льва Сергеевича Садковского и поручика Сергей Михайловича Кремкова⁵⁰, сам рекомендовавший их занял при мне должность для поручений — подпор[учик] Петр Алексеевич Тарасенков⁵¹. Кроме того, из Петрограда приехал выписанный полковник (моряк) Павел Яковлевич Лохматов⁵², и мною в помощь полк[овнику] Чебышеву был взят полковник Николай Ильич Сухотин⁵³, конный артиллерист. В дальнейшем при приеме служащих главным руководящим принципом было — бывший офицер.

Я намеренно не упоминал о бывшем генерале Андрее Евгеньевиче Снесареве⁵⁴ — моем начальнике. Во-первых, потому что все формирование личного состава было возложено им на меня, как на начальника штаба; во-вторых, потому что из двух с половиной месячной работы в Царицыне свыше месяца я был его заместителем; и, в-третьих, что самое главное, благодаря многим обстоятельствам, важнейшим из коих было то, что генер[ал] Снесарев сам родом донской казак⁵⁵, он предоставил мне полную самостоятельность во всех вопросах. Надо сказать к чести генер[ала] Снесарева, угадывая во мне контрреволюционера, но не зная о моей уполномоченности, генерал Снесарев совершенно не входил в мои дела.

В заключение подготовительного периода могу сказать следующее: «Я получил приказание и приступил к его выполнению так, как по обстановке мне казалось необходимым. Директивы мне были даны широкие. Самостоятельность полная. Оставалось лишь начать работу, о чем речь будет в следующих описаниях Царицынского, Балашовского и Козлово-Арзамасского периодов».

⁵⁰ **Кремков Сергей Михайлович** (1896–08.1935) — сын генерал-майора (на 1918 г. его отец, генерал М.И. Кремков, числился в украинской армии), поручик, секретарь А.Л. Носовича. Военный специалист РККА (с 1918), участник антибольшевистского подполья (1918). Отошел от подпольной работы и сделал карьеру в Красной армии. Близкий друг революционерки Л.М. Рейснер. Награжден орденом Красного Знамени (1921). Автор ряда книг об артиллерии и ее боевом применении. Застрелен.

⁵¹ **Тарасенков Петр Алексеевич** — двоюродный племянник В.П. Чебышева, подпоручик. Военный специалист РККА, участник антибольшевистского подполья (1918). Для поручений при А.Л. Носовиче. После ареста В.П. Чебышева на протяжении нескольких лет скрывался в деревне Чебышовка Тульской губернии, после чего вернулся в Москву. Заведующий лабораторией МВТУ им. Н.Э. Баумана.

⁵² **Лохматов Павел Яковлевич** (1883–1919) — капитан 2-го ранга. Военный специалист РККА, заведующий 4-м отделом (личный состав) административного управления штаба Северо-Кавказского военного округа. Участник антибольшевистского подполья (1918), помощник В.П. Чебышева. Арестован в Москве вместе с В.П. Чебышевым (14.11.1918). Расстрелян.

⁵³ **Сухотин Николай Ильич** (02.02.1886-?) — полковник, служил в 7-м конно-артиллерийском дивизионе. Военный специалист РККА, участник антибольшевистского подполья (1918).

⁵⁴ **Снесарев Андрей Евгеньевич** (01.12.1865–04.12.1937) — бывший генерал-лейтенант, военный руководитель Северо-Кавказского военного округа (03.05–19.07.1918). Один из организаторов обороны Царицына весной — летом 1918 г. Отозван из округа в Москву (19.07.1918). Некоторое время жил в Острогжске.

⁵⁵ Это неверно. Снесарев происходил из семьи священника Воронежской губернии, родился в слободе Старая Калитва Острогжского уезда Воронежской губернии.

II. Царицынский период

14/27-го мая штаб прибыл в Царицын. Первоначальное место назначения штаба было г. Ставрополь, что особенно совпадало с идеей связи с Добровольческой армией, но недели за две до отъезда высшие власти изменили место на Царицын, в виду опасения перерыва сообщения. Это решение, удаляя нас от армии, давало плюс: возможность организовать центр сопротивления на Волге для связи с чехословаками.

Задача — директива, полученная мною, состояла: в организации центра белогвардейского мятежа и главнейшая вредить всеми возможными средствами «большевизму», оказывая тем самым поддержку Добровольческой армии и всем другим армиям, борющимся с большевиками, ближайшими задачами состояли: сдача важнейшего пункта Царицына добровольцам или казакам и замедление организации и набора Красной армии. Кроме того, в моих руках сосредотачивалась связь с союзниками при посредстве французского консула M-r Charbeau⁵⁶. Надо от- дать должное высоко налаженной связи во французской военной миссии: не успел я прибыть в Царицын, как консул получил шифрованную депешу с указанием, что я свой человек. Чтобы покончить с вопросом об моих отношениях с союзниками, разберу его сейчас же. Главнейшая моя работа состояла в поддержании и снабжении г. Баку всеми возможными средствами против наступающих турко-немцев, в видах впуска туда отряда англичан, которые, по сообщению мне консула Шарбо, находились в Энзели. Попутно это касалось и отряда Бичерахова⁵⁷. В данном случае до прибытия англичан мне необходимо было в вопросе удержания Баку быть более большевиком, нежели сами большевики. Вопрос решался большой государственной важности и надо было быть гибким в его решениях. Поддерживая Баку вообще, я надеялся, что командующий большевистскими силами, небезызвестный бывший офицер Петров⁵⁸ передастся в критический момент на сторону англичан. К этому у меня были некоторые данные, а именно. В Царицыне был член сербской военной миссии полковник Христинч⁵⁹. И вот у Христинча перед самым своим отзывом в Баку Петров Христом Богом вымаливал себе сербский паспорт, якобы на случай необходимости спастись от большевиков же. Это мне доложил полк[овник] Христинч, который через Шарбо был вхож как полуофициальный что

⁵⁶ Шарбо Шарль Жюль Эмиль (15.12.1880–не ранее 1957) — французский вице-консул в Царицыне, сотрудничал с антибольшевистским подпольем. Арестован ЧК (08.1918–03.1919). Освобожден и уехал во Францию. Распространенные сведения о его расстреле неверны. Директор металлургических и оружейных заводов французского общества «Кнютанж».

⁵⁷ Бичерахов Лазарь Федорович (15.11.1882–22.06.1952) — войсковой старшина, командир русского отряда в Персии. С отрядом прибыл в Азербайджан. Командующий войсками, оборонявшими Баку от наступавших турецко-азербайджанских войск в июле 1918 г.

⁵⁸ Мемуарист ошибается. Г.К. Петров не был бывшим офицером. Петров Григорий Константинович (11.11.1892–20.09.1918) — левый эсер, военный комиссар Бакинского района от СНК РСФСР, участник обороны Баку и один из 26 Бакинских комиссаров. Расстрелян.

⁵⁹ Христинч — полковник, член сербской военной миссии в России.

ли контрреволюционер. Петров возлагаемых на него ожиданий не оправдал, и в конце концов был разоружен англичанами.

Пока я работал в Царицыне (округ, подведомственный мне, состоял их четырехугольника: Баку — Новороссийская губерния — Донская область — Царицын — Астрахань), мне удалось впустить в Баку и Бичерахова и англичан, но при переходе власти из рук моих в руки Сталина⁶⁰ и Минина⁶¹ таковым пришлось оттуда удалиться, ибо Сталин и Минин предполагали видеть Баку в руках турко-немецких, но отнюдь не союзнических, которых они ненавидели всеми фибрами своих душ⁶². Небезынтересна подробность гибкости немецкой и советской политики: Когда стало очевидным, что англичане и Бичерахов займут Баку ранее немцев, а в совдепе Баку появилась сильная союзническая организация, во всех газетах появилась громадная телеграмма немецкого командования, смысл которой был следующий: «Мы, немцы, запретили туркам дальнейшее наступление на Баку. Губерния будет оставлена в руках Советской России, но мы требуем, а советские власти отдали строжайшее распоряжение все военные силы обратить против англичан и Бичерахова. Но, к счастью, дело уже было сделано, и англичане с Бичераховым вошли в Баку.

Из сказанного видно, а в дальнейшем подтвердится еще не раз, что в виду сложнейшей обстановки, особенно при решении задач государственного масштаба часто приходилось делать весьма серьезное лицо большевика, приходилось для пользы дела и будущего России надевать эту маску. В виду этого обстоятельства будет в дальнейшем еще более понятным, что двойственная игра при таких приходящих условиях весьма облегчалась и при самых энергичных обвинениях в будущих моих арестах и подозрениях, я всегда находил достаточно плюсов в глазах в большинстве случаев тупоголовых моих обвинителей⁶³ или т[ак] назыв[аемых] заступников⁶⁴, чтобы оправдаться и с новым ореолом «преданного» советского работника продолжать возложенную на меня трудную задачу.

В остальном моя связь с союзниками заключалась в содействии по проведению их вопросов, а в конце июля месяца мне пришлось взять на себя опасную миссию

⁶⁰ **Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович** (06.12.1878–05.03.1953) — революционер, член РСДРП (с 1901), советский партийный и государственный деятель. Народный комиссар по делам национальностей. Общий руководитель продовольственного дела на Юге России с чрезвычайными полномочиями. Речь идет о событиях 19.07.1918, когда И.В. Сталин отстранил от должности военного руководителя Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесарева, добившись перехода высшей власти в округе к военному совету в составе И.В. Сталина, С.К. Минина и А.Н. Ковалевского (временно) при временно исполнявшем должность военрука А.Л. Носовиче.

⁶¹ **Минин Сергей Константинович** (29.06.1882–08.01.1962) — революционер, член РСДРП(б) с 1905. Городской голова Царицына (09.1917–05.1918), председатель штаба обороны Царицына (12.1917–05.1918), депутат Учредительного собрания, член военного совета Северо-Кавказского военного округа (1918).

⁶² Это утверждение не соответствует действительности.

⁶³ В документе — обвинителях.

⁶⁴ В документе — заступниках.

спасения Col[onel] Jardigne⁶⁵ и его помощников на предмет вывоза его из Царицына через Астрахань в Баку, к англичанам. Удалось также снабдить их и деньгами в количестве 45 тыс. за испорченный красноармейцами их автомобиль⁶⁶. В дальнейшем при моем аресте одним из главных обвинительных пунктов было сношение с союзниками.

Необходимо указать и на задачи, которые я получил от «большевистского» правительства, а попутно с общим разбором моей деятельности я укажу, каким образом я обошел этот вопрос. Главнейшей задачей была организация 3-х первоочередных и двух второочередных пехотных дивизий на территории округа. Организация их должна была быть на новых началах, главнейшие черты которых были: отмена комитетов, назначение начальства, вольнонаемность с подпиской известных условий, где оговаривались и дисциплинарные и денежные взыскания; вторая задача сопротивление внешнему врагу, главным образом здесь подразумевались немцы, но скоро правительство «большевиков» перестало делать какие-либо различия. При моей «уполномоченности» на разбираемую мною работу таковое смешение было безразлично, ибо я имел определенную задачу помощи Добровольческой армии и казакам донским ли или уральским. После же окончательного мира с немцами (срок потопления флота 6/19 июня⁶⁷) опасность немецкой ориентации донского казачества совершенно отпала.

[Приложение к Цариц[ынскому] периоду⁶⁸.] Здесь уместно указать на те действия, которые мне пришлось предпринять в связи с задачей сохранения Черноморского флота, укрывшегося в новороссийском порту. В ночь с 6 на 7 июня н[ового] ст[илия] через Царицын проехал в Москву адмирал Саблин⁶⁹. Снесарев и я вели

⁶⁵ Полковник Жардин. Правильно — **Шардиньи Пьер Огюст** (09.10.1873–29.06.1951) — полковник (впоследствии — генерал), начальник французской военной миссии при главнокомандующем Кавказским фронтом. При содействии Носовича проехал из Царицына в Астрахань и далее в Баку.

⁶⁶ В машинописном варианте далее: «Ввиду того, что полк[овник] Жардиньи должен был послать связь в Добровольческую армию, я, обеспокоенный невозможностью наладить таковую, просил полковника сообщить о моей деятельности в армию, что полковник мне и обещал сделать через полковника Шкуро, к которому полк[овник] Жардиньи намеревался послать из Петровска гонца. Если полк[овник] Жардиньи добрался до англичан, то, конечно, он подтвердит правильность моих слов». **Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич** (07.01.1886–16.01.1947) — полковник (впоследствии — генерал-лейтенант), участник Белого движения на Юге России.

⁶⁷ Здесь уместно указать на некоторое отношение моей работы к нашему Черноморскому флоту. В ночь с 6 на 7 июня через Царицын проезжал адмирал Саблин. В разговоре с ним Снесарева и моем адмирал умолял употребить все силы для спасения флота от немцев. Наиболее опасными направлениями были от Анапы и Темрюка. Нападения с моря адмирал не боялся — наш флот был все же сильнее всего турко-немецко-русского, захваченного в Севастополе. 12-го числа (Снесарев уехал в полуотпуск — пулюкомандировку) начались мои переговоры с вр[еменно] командующим Черном[орским] фл[отом] адмиралом (*недописанное примеч.* **А.Л. Носовича, раскрытое другими словами в приложении к царицынскому периоду**). Речь идет о событиях, связанных с затоплением Черноморского флота в Цемесской бухте в июне 1918 г.

⁶⁸ Вставка А.Л. Носовича после основного текста воспоминаний.

⁶⁹ **Саблин Михаил Павлович** (17.07.1869–17.10.1920) — бывший вице-адмирал, командующий Черноморским флотом. В связи с германским наступлением увел часть флота из Севастополя

с адмиралом долгую беседу⁷⁰. Задача адмирала Саблина была уговорить народных комиссаров не сдавать флота немцам. Уже в это время ходили слухи, что немцы требуют сдачи флота и наши «правители» склоняются в сторону немецких требований. Как оказалось после, адмирала в Москве не принял ни один власть имущий до самого дня фактической сдачи, частью потопления.

12-го числа начальник связи эскадры, фамилию не упомяну, по поручению вр[еменного] начальника морскими силами поставил меня в известность о нижеследующем: «Правительство из Москвы за всеми подписями и скрепой всяких морских властей простой нешифрованной радиограммой требует не позже 14-го⁷¹ прибыть всей эскадрой в Севастополь и сдать суда немцам. В случае неисполнения указывалось, что немцы возьмут Новороссийск с суши, а, кроме того, будут

в Новороссийск. Боролся против затопления флота, для чего выехал в Москву, куда прибыл 10 июня 1918 г. и вскоре был арестован. Из-под ареста бежал, перебрался в Великобританию, после чего приехал на Юг России и поступил на службу во ВСЮР.

⁷⁰ Состоявший в распоряжении командующего флотом для поручений бывший старший лейтенант Р.Р. Левговд, который сопровождал М.П. Саблина в Москву, оставил важное свидетельство о взаимодействии патриотически настроенных бывший офицеров флота со своими товарищами по старой армии из руководства Северо-Кавказского военного округа: «Назначение на должность начальника округа генерала царской службы позволяло надеяться, что теперь военные и военноморские дела на Северном Кавказе пойдут с наименьшим возможным вредом для интересов будущей России. Можно было предполагать что угодно о причинах, побудивших Снесарева поступить на службу к большевикам, но наименее вероятным было бы предположение, что генерал сделался большевиком и борется за уничтожение частной собственности на землю.

Предполагалось, что через головы правителей и главковерхов Северо-Кавказской республики Черноморский флот установит тесные сношения со штабом вновь организованного округа, будет получать при его содействии все для себя необходимое и будет понемногу готовить себя к возобновлению военных действий с Германией, чего можно было ожидать со дня на день и что случилось бы несомненно, если бы в то время советская власть в Москве была бы свергнута» (Левговд Р.Р. Черноморский флот и Северо-Кавказский военный округ в мае и июне 1918 года. Записки старшего лейтенанта Романа Левговда // Военная Белья (Париж). 1974. № 127. С. 8-9). Настроения военспецов в Царицыне стали очевидны Левговду практически сразу: «С первых же слов ему (Левговду. — А.Г.) стало ясно, что генерал Снесарев и генерал Носович, начальник штаба округа, обыкновенные русские офицеры, а не большевики, и он еще по дороге к вагону сообщил им с полной открытостью о всех убийственных для флота и для интересов России мероприятиях большевиков.

Из разговоров выяснилось, что главной задачей штаба Северо-Кавказского военного округа была организация обороны от предполагаемого наступления немцев» (Там же. С. 9). А.Е. Снесарев и А.Л. Носович выразили готовность всемерно содействовать сохранению Черноморского флота (Там же. С. 10-11), а Саблин, «видя перед собой двух кадровых русских офицеров,... не боясь быть обвиненным в контрреволюционных замыслах, откровенно высказывал свое отрицательное отношение к большевизму и излагал свои взгляды и планы на будущее» (Там же. С. 10). Подытоживая, Левговд отметил, что «лица, стоявшие во главе флота и Северо-Кавказского военного округа в мае и июне 1918 года, руководствовались в своей служебной деятельности исключительно пользой и интересами будущей России, стремясь к сохранению флота и к защите территории и населения от иноземного владычества. Если их усилия оставались тщетными, если их борьба с анархией внутри большевистских организаций оставалась малозаметными, а подчас и бесплодными, если они ошибались в своих предположениях о ходе мировой войны и русской революции, то назовем это недальновидностью, ошибкой, — как угодно, но только не предательством и не изменой Родине» (Там же. С. 12-13). Подробнее о Левговде см.: Павленко А.П. Роман Романович Левговд — офицер революционного Черноморского флота // Новейшая история России (Санкт-Петербург). 2018. Т. 8. № 4. С. 898-911.

⁷¹ В машинописном варианте — 19-го.

продолжать свое поступательное движение вглубь России». Адмирал Тихменев⁷² сообщал, что моряки все до единого решили означенного приказа не исполнять, в Севастополь не идти, а в случае чего обороняться. Адмиралу было особенно важно знать, может ли сухопутное командование помочь флоту против немцев в направлении от Таманского полуострова, и как мы будем реагировать на такое решение правительства.

Снесарев в это время был в полу-отпуску, не то в полу-командировке. Я медленно энергично ответил адмиралу, что буду защищать флот с суши до последней крайности, хотя бы это грозило мне судом и прочими последствиями. Кроме того, уведомил, что я о таком решении правительства не знаю. Мною тотчас же были сделаны все нужные распоряжения и соображения по укреплению Таманского полуострова на линии Темрюк — Анапа на предмет сопротивления немцам. Но означенные действия в жизнь не прошли. Кроме того, военному руководителю Бонч-Бруевичу мною была послана обширная телеграмма, указывающая, что флот надо сохранить. Между прочим, по словам адм[ирала] Саблина, последние несчастья сильно подняли дух и дисциплину флота, и Саблин надеялся, что оздоровление наступило. Что касается личного состава матросов, это меня не беспокоило, я полагал, что важно было сохранить материальную часть. К главному моему сожалению этого сделать не удалось. Числа 16-го флот получил уже зашифрованную радиogramму: «Топиться», кроме того понаехали всевозможные комиссары и провокаторы, которые начали раздувать страсти, как сепаратные украинские, так и всякие низменные. Финал наступил очень скоро 6/19-го малорусская часть флота ушла в Севастополь, а великорусская предпочла потопить корабли и уехать частью домой, частью куда глаза глядят, но все вообще решили грабить. Между 12 и 19 не помню точно когда и его фамилии, в Царицын приехал лейтенант французского флота с задачей благодарить русских моряков за спасение подводной французской лодки⁷³. Мне было стыдно смотреть ему в глаза, когда он говорил о флоте, о его доблести, о том, что он все-таки ушел в Новороссийск: я уже знал, что не сегодня — завтра флота не будет или он уйдет в Севастополь целовать ночную туфлю немецкого адмирала. Это даже не Каносса⁷⁴. 19-го июня 1918 года повторился второй, но вполне бесславный Севастополь. Флота не стало.

Не могу, конечно, судить, насколько мои поступки были правильны в то сложное время⁷⁵. Тогда казалось, как начальству флота в лице адмиралов Саблина и Тихменева, а также мне, что не допустить немцев к овладению флотом

⁷² Тихменев Александр Иванович (30.12.1879-25.04.1959) — бывший капитан 1-го ранга (впоследствии — контр-адмирал), командир линкора «Воля». При отъезде М.П. Саблина в Москву для обсуждения вопроса о судьбе флота принял командование флотом.

⁷³ В машинописном варианте далее — фамилию его знает лейт[енант] Бенью. Он надеялся тоже как-нибудь помочь флоту, подняв его дух.

⁷⁴ Каносса — замок в Северной Италии, в котором в 1077 г. отлученный от церкви и низложенный император Священной Римской империи Генрих IV вымаливал прощение у папы римского Григория VII. В переносном смысле обозначает унижительную капитуляцию.

⁷⁵ В машинописной редакции далее — когда на западе вопрос еще не был разрешен во всей полноте.

и сохранить его материальную часть, в частности, с моей точки зрения, есть одна из важнейших государственных задач, которую я стремился выполнить, рискуя даже последствиями прямого невыполнения приказаний тогдашнего юридического моего начальства — московского правительства⁷⁶. Теперешние события показывают, что вернее было уходить на поклон в Севастополь. Тогда казалось лучше было держаться до последнего. События, вне моего в конце концов влияния поделили флот на две части. Мне пришлось мириться со случившимися фактами.

В дальнейшем в виду недостатка времени и отчасти желания быть ближе к хронологическому порядку, а также потому, что означенные записки не представляют собою обработанного материала, полагаю в них будут значительные скачки и отступления от разбора событий по отделам, но этого, думаю, избежать пока нельзя.

Перед началом изложения необходимо подчеркнуть следующее: для каждого ясно, что работа такого сорта не могла продолжаться значительный промежуток времени, иначе моя причастность к контрреволюционному лагерю, конечно, в конце концов, должна была открыться. Следовательно, моя работа должна была быть строго согласована с масштабом времени наступления добровольцев и казаков. Я должен был не опоздать внести разлад и путаницу ко времени наступления раз, а второе — дотянуть плодотворную работу в случае опоздания наступления до последней возможности и в нужный момент перейти от скрытой работы в штабе к активной полевой, оказав непосредственное содействие наступающим при помощи контрреволюционного выступления. Отсюда понятно, что при такой срочности и определенности задач сама система работы должна была быть поставлена в строжайшую зависимость от общей обстановки на месте и со стороны без правильного освещения может показаться совершенно в другом виде, чем была на самом деле.

Для таковой сложной работы необходима была наличность подходящей обстановки, создавшейся случайно, а также тщательно подготовленной. Вернее того и другого условий вместе. Так оно и было. Элемент случайности был благоприятным, что оба комиссара, т.е. наши соглядатаи, были первый — крайне ограниченный, тупой, упрямый, но весьма самолюбивый латыш, бывший моряк Карл Иванович Зедин⁷⁷. Его образование было нечто вроде подпрапорщика мирного времени. Он мнил себя знатоком военного дела и, играя на всех его недостатках, в особенности на самолюбии и упрямстве, можно было удачно проводить многие

⁷⁶ В машинописном варианте далее — Надо сказать, что в этом вопросе я был всецело поддержан моим комиссаром Зединым, который, как сам черноморский моряк, страшно был возмущен действиями правительства, кричал, что это провокация, и был готов идти против приказа вплоть до прямого его невыполнения.

⁷⁷ **Зедин Карл Иванович (Янович)** (15.07.1885-22.05.1919) — революционер, член РСДРП(б) с 1904-го, вел революционную работу на Черноморском флоте. Комиссар Северо-Кавказского военного округа (с 05.1918). Погиб в бою с немцами в Риге.

вопросы. Вторым комиссаром был казак Урюпинской станицы Селиванов⁷⁸ — эфироман и вообще всякий наркоман, а, кроме того, любящий «прикоснуться» к советским суммам. Из указанных его качеств видно, что справиться с таковым деятелем не представилось много труда. В дальнейшем будет совершенно ясно, что до тех пор, пока существовали эти комиссары, главным образом Зедин, моя работа могла быть и плодотворна и незаметна, а с переменой их и вступлением Сталина, главным образом, оставалось одно — активное выступление, но хитрый комиссар предупредил таковое. Об этом я еще упомяну ниже.

Второе условие создания подходящей обстановки вылилось главным образом: первое — в подборе основного кадра штаба, что удалось сделать, как указано выше. Второе — в изучении обстановки во всех ее деталях на месте вообще. Здесь я должен резко подчеркнуть, что в дальнейшем для простоты я буду говорить о работе, все время выражаясь: «Я сделал; я предпринял». Но без существеннейшей помощи моих доблестных сослуживцев, конечно, один я сделать ничего не мог бы.

Первоначально необходимо было решить два противоположных вопроса: приступить к формированию тех пяти указанных дивизий, что могло бы явиться хотя бы призраком советской армии — это стояло в задаче от «большевиков». Противоположной задачей была цель не допустить такого формирования, кроме того не допустить предполагавшейся реорганизации войск, находившихся на фронте. Снова подчеркиваю необходимость работы в масштабе времени. Из первой задачи мне помогло выйти само правительство и общая ситуация — на командные должности так называемые военные специалисты, т.е. бывшие офицеры, не шли. Я и сыграл на оттяжку; запросив длиннейшими телеграммами центр о присылке кадров для штабов дивизий — на этом успокоился. Ни к какой другой организации, т.е. ни к набору, ни к другим действиям приступлено не было. Комиссар Зедин с политической и агитационной стороны этого дела, мне было очевидно, справиться не мог. Так, за 2 1/2 месяца мною не была организована ни одна часть, даже силюю роты. При разборе этого вопроса⁷⁹ при Высшей военной инспекции нарком[а] по воен[ным] делам Подвойского⁸⁰ я представил неопровержимые документы своей правоты, копии многочисленных телеграмм о присылке кадров, которые, как мне было доподлинно известно, не могли прибыть. Вне всякого сомнения формировать я мог так называемым революционным порядком⁸¹, т.е. дав случайного нач[альника] дивизии и т.д., но, как это ни

⁷⁸ **Селиванов А.Г.** — казак станицы Урюпинской, член РКП(б), председатель урюпинского ревкома, член казачьего комитета при ВЦИК, комиссар Северо-Кавказского военного округа (с 05.1918).

⁷⁹ В машинописной редакции — в *Балашове*.

⁸⁰ **Подвойский Николай Ильич** (04.02.1880-28.07.1948) — революционер, член РСДРП с 1901-го. Председатель Высшей военной инспекции (с 1918). Подробнее об упомянутом эпизоде см.: Ганин А.В. Арест и освобождение сотрудников штаба Северо-Кавказского военного округа в августе 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3 (10). С. 32-51.

⁸¹ В машинописной редакции — что с большим успехом и начал заменивший меня Сталин. Результаты известны: казаки до сих пор не могут взять Царицына.

покажется странным, в моей работе был налицо следующий якобы «nonsense», а на самом деле неопровержимый факт: «Само строжайшее требование порядка и строгой законности вносило в среду Красной армии и в ее систему управления дезорганизацию и беспорядок». Родившаяся в хаосе и анархии, она не могла в короткое время улечься в рамках законности и старания вместить ее в эти рамки раньше времени приводили к озлобленности и к беспорядку. Снова настоятельно повторяю, что таковая работа «от противоположного доказательства» могла быть продуктивна лишь в соответствии с данным мне полковником Страдецким масштабом времени: «Добровольцы и казаки будут наступать в начале июня ст[арого] ст[иля]. К началу июля Ваши дела должны быть готовы», — сказал полковник.

Справиться со второй задачей реорганизации войск на фронте мне помог случай и откровенный разговор с восточным человеком, начдивом Киквидзе⁸². Для выполнения реорганизации фронтовых банд был предложен проект, как ручался его автор, давший блестящие результаты в Симбирском губернском воен[ном] комиссариате, а именно: массовый переприем красноармейцев на новых началах, которые заключались в подписке выполнять все требования, установление частью дисциплинарных, частью денежных взысканий и непременно отмены выборного начала в армии. Автор этого проекта чрезвычайно его расхваливал, как давшего на практике выдающиеся результаты. Я долго противился ему, пока случайно из разговоров с Киквидзе я не убедился, что здесь в южной вольнице таковой опыт даст обратные результаты. Зная Киквидзе как за понимающего и организаторского таланта человека, я тотчас же повернул фронт; стал на сторону этого проекта и был очень доволен получившимися результатами. Кроме озлобления против штаба и Зедина в частности, ибо этот упрямый латыш бил что называется лбом в стенку, десятков двух избитых переприемщиков и ряда бунтов и отказов от службы вообще — ничего не получилось. Этот переприем, ярким адептом которого был сам Зедин, а я вначале не соглашался и был одной из главных причин удаления Зедина 20-го июля и отчасти фактором моей реабилитации⁸³. И так, внутреннюю глубокую подготовку будущих вооруженных «советских» сил мне удалось сорвать легко и без подозрений, вернее, с оправдательными документами. Скоро, разобравшись в обстановке, я увидел и других невольных моих союзников. Таковыми невольными союзниками явились люди, потерявшие с нашим приездом власть, т.е. местные «военные» деятели.

⁸² **Киквидзе Василий Исидорович** (28.02.1895–11.01.1919) — левый эсер, красный командир, сформировал и возглавил 1-ю дивизию внеочередного формирования (позднее — 16-ю стрелковую). Участвовал в боевых действиях против донских казаков. Смертельно ранен в бою. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

⁸³ Ибо у меня находились фактические доказательства, что я всегда был против таковой меры, а вынужден был согласиться на нее ввиду настойчивости Зедина, политически имевшего по всем законам перевес над моей властью (*примеч. А.Л. Носовича*).

Это был и впоследствии убитый на митинге военный комиссар города Ерман⁸⁴, быв[ший] командующий Царицынским фронтом некто Тулак⁸⁵. Первый — студент-еврей, второй — унтер-офицер Л[ейб-]зв[ардии] Драгунского полка, кроме того, конечно, весь их многочисленный штаб охотно вставлял палки в колеса работы моего штаба. Я учел это положение и, с одной стороны, донося наверх о невозможной атмосфере для работы из-за сознательного «саботажа» царицынского бывшего штаба обороны, с другой стороны искусно раздувал эту обостренность. Комиссар Зедин был вне себя от гордости⁸⁶ Тулака и непризнания им его комиссарского достоинства. На этот предмет был приготовлен оперативный приказ, смещающий Тулака с главкомов в простые начальники гарнизона города Царицына в связи с общей якобы необходимой перегруппировкой. Зедин подписал этот приказ с особым удовольствием. Вышли очень большие осложнения вплоть до отказов на фронте и криков: «Подать Тулака обратно!» Дело было улажено с трудом. Пилюлю позолотили, объяснив Тулаку, что это собственно повышение и придав еще титул командующего всеми резервами — каких не было⁸⁷. Этот «саботаж» сослужил нашему делу отличнейшую пользу, и так как велся он открыто и по-хамски глупо, то послужил и для моего и Ковалевского⁸⁸ спасения.

Уже из сказанного видно, как сложна была обстановка и как со стороны трудно было разобраться в действиях. Про организацию царицынских деятелей необходимо сказать особо. Царицын всегда был очень самостоятелен и долгое время даже не признавал центра. Только иссякшие денежные знаки и угроза иссякания оружия заставила его обратить свои взоры на Москву. Результатом этого обращения в конце концов и явилась присылка штаба округа. Еще до нашего приезда у «штаба обороны» было приколплено много всяких запасов, которые при известной безалаберщине на железной дороге и захватном праве на царицынском узле, давали им возможность предпринимать целые самостоятельные операции, против которых, как не входивших в мои планы, я протестовал всеми силами души. Одна окончилась поражением под Калачом на Дону и моим торжеством, но другая под эгидою Сталина дала в конце концов освобождение 15-ти тысяч бойцов, окруженных донцами раньше в районе Морозовской, а после [у] Нижне-Чирской. Кроме бойцов они вывезли массу богатых материалов всех видов. Кроме бойцов, они вывезли

⁸⁴ **Ерман Яков Зельманович** (04.02.1896–17.07.1918) — революционер, студент Петроградского политехнического института. член РСДРП(б) с 1915-го. Председатель исполкома Царицынского совета (1917–1918). Убит. Далее в машинописной редакции: комиссар внутренних дел Минин.

⁸⁵ **Тулак Иван Васильевич** (1892–1918) — унтер-офицер Лейб-гвардии Драгунского полка, член РСДРП(б) с 1917-го. Один из организаторов и руководителей обороны Царицына в 1918 г. Попал в плен и расстрелян.

⁸⁶ В машинописной редакции далее: вышеупомянутых заправил и особенно.

⁸⁷ В машинописной редакции далее: Между Зединым и Тулаком пробежала навсегда черная кошка.

⁸⁸ **Ковалевский Александр Николаевич** (30.08.1880–11.1918) — однокашник А.Л. Носовича по Императорской Николаевской военной академии (выпуск 1910 г.). Бывший полковник, военный специалист РККА, начальник мобилизационного управления штаба Северо-Кавказского военного округа (с 05.1918). После бегства А.Л. Носовича к белым расстрелян как его ближайший сотрудник.

массу богатых материалов всех видов. Как донцы не справились с этой группой, которая в дальнейшем послужила ядром армии Ворошилова⁸⁹, мне совершенно не понятно. Он сам и все остальные деятели царицынского штаба и командного состава после нашего изгнания из Царицына вышли из этой группы, которая состояла из остатков 1-й и 3-й армий южных республик главковерха Антонова-Овсенко, Морозовской и Донской дивизий. Появление этих сил дало значительный плюс царицынской партии против меня, получившей реальные доказательства моего несогласия с нужной по существу операцией. Кроме того, Ворошилов, очень энергичный и, пожалуй, если не стратег, то, без сомнения, упорный лобовой тактик. Это освобождение состоялось в 10[-х] числах июля н[ового] ст[иля], но я забегал вперед.

Теперь я должен объяснить, каким же образом я вредил большевикам на самом фронте. Система работы, как было указано выше, уже определилась: требовательность не вязалась с характером обстановки и давала для меня желательный результат — беспорядок. По обстановке наиболее подходящей работой была бы гибкость и отход от узких законных рамок. При разборе в будущем работы Сталина я укажу на его гибкость. Я главенствовал с 1-го июня по 20 июля — всего пятьдесят дней, и за это время мною отдано 12 оперативных приказов. Каждый из них разбивал фронты на новые участки, что у непривычных «товарищей командиров» вызывало массу недоразумений. К концу июня, изучив характеры действующих лиц, я не пропускал случая, чтобы подчинить наиболее самолюбивого и самостоятельного его политическому противнику, а если не противнику в настоящем, то таковое подчинение делало их непримиримыми врагами в будущем. Например, казаку, бывшему войсков[ому] старшине комбригу Миронову⁹⁰ — идейному революционеру, политическому противнику Краснова⁹¹, забываясь о ведении операции в духе гуманизма (из-за политических перспектив), я подчинил головореза, разбойника и реквизитора на шереметьевский счет⁹², начдива Киквидзе. Причем мотив подчинения начдива комбригу — то, что он военно-образован. Конечно, получился желательный конфликт⁹³. Должен заранее предупредить, что, может

⁸⁹ **Ворошилов Климент Ефремович** (23.01.1881–02.12.1969) — революционер, член РСДРП(б) с 1904-го. Командующий 5-й армией, Царицынской группой войск (1918).

⁹⁰ **Миронов Филипп Кузьмич** (14.10.1872–02.04.1921) — донской казак, войсковой старшина, военный специалист РККА. Командир полка, бригады, 1-й Усть-Медведицкой стрелковой дивизии (позднее — 23-й) и группы войск 9-й армии (1918).

⁹¹ **Краснов Петр Николаевич** (10.09.1869–16.01.1947) — генерал-майор (впоследствии — генерал от кавалерии), атаман Всевеликого войска Донского (1918–1919).

⁹² **Жить на шереметьевский счет** — жить за чужой счет. Выражение возникло в XIX в. в связи с обширной благотворительностью графа Д.Н. Шереметьева.

⁹³ Кроме оперативных приказов, конечно, были случаи, когда приходилось из двух зол выбирать горшее. Так, в момент вторичного прорыва казаками линии ж[елезной] дор[оги] Поворино — Царицын я получил сведения, что туда направлены значительные казачьи силы. Связь с Москвой была для Царицына наиболее существенным вопросом, а потому, уверенный, что на юг к Тихорецкой нам не пробиться и ее не отобрать, я отправил все резервы, хотя и незначительные, к ст[анции] Ремонтной, указав, что с севера освободить легче, а участок, кстати, отошел уже к Чернавину. Таким образом, с 24-го

быть, кажущаяся сложность моих действий в изложении на бумаге в настоящем своем течении, так сказать день за днем, при чрезвычайно обостренной восприимчивости нервов, на самом деле тогда не казалась не только сложной, но и вообще это не замечалось. Были вопросы гораздо более опасные и острые, но об этом ниже.

И так сами оперативные приказы, прочитанные где-либо у казаков или в штабе Добровольческой армии, казались громовыми филиппиками адепта большевизма, но на деле приносили только пользу⁹⁴.

Снабжение войск всем необходимым тоже было втиснуто в старые рамы интендантских крючкотворств. Убедив честнягу по отношению к казенному сундуку Зедина, что грабежи иначе не переведутся, я ввел строгую отчетность, а, главное, предоставления требовательных ведомостей в трех экземплярах, которые должны были восходить не иначе, как по команде и через начальника участка. Начальники же участков, как сказано выше, за 50 дней переменялись почти 12 раз — отсюда понятна путаница и массовое неудовольствие на штаб. Но главный в хозяйственных вопросах был всесильный комиссар Зедин, я умывал руки и лишь подзадоривал упрямого латыша: «Надо же наконец им приучиться к порядку! Болезненно будет только начало!» Ах, как мы ждали начала энергичного наступления наших избавителей, но к несчастью это случилось с опозданием. К началу июля появился Сталин. Ко всем средствам достижения поставленной мне задачи присоединилось само собой могучее средство, которое я полностью использовал во время моей работы в г. Балашове: это национальная способность к ссорам у начальствующих лиц. Упрямый и властный, но крайне ограниченный комиссар Зедин весьма облегал эту задачу. Царицынский период был полон интриг, ссор и, играя на этих страстях, окружающих меня грубых и глупых людей, я составил себе возможность неуклонно следовать к раз намеченной цели.

Между тем, передо мной стала одна из важнейших задач организовать или найти уже организованную группу единомышленников, могущих выступить активно для поддержки наших целей. Московский отдел в Царицыне своего подотдела не имел. В виду указанного мне полк[овником] Страдецким, сравнительно короткого промежутка времени для подготовки — не более месяца, я решил войти в связь с трудовой артелью офицеров и получить там кадр для сформирования хотя бы полка или бригады с большим офицерским составом, которая

июля и по сие время Царицын отрезан от Москвы, а с замерзанием Волги и совсем будет изолирован (*примеч. А.Л. Носовича*). Далее в машинописной редакции: На суде в Новочеркасске я указывал на это обстоятельство, говоря, что казачье командование может проверить мое заявление, ибо ни одной ротой с юга означенное направление поддержано не было.

⁹⁴ Относительно вопроса снабжения вооружением и огнестрельными припасами мною была принята система удовлетворять полностью нестойкие части и торговаться и не досылать в стойкие. Мне было отлично известно, что главнейший источник снабжения добровольцев и казаков — большевистские запасы. Отсюда понятна таковая система. Кроме того, я пытался указывать при посредстве okazji, куда я посылаю припасы. Так была попытка через Col[onel] Jardigne сообщить в Терскую область о большом транспорте боевых припасов, посылаемом из Москвы в Моздок (*примеч. А.Л. Носовича*). О полковнике Шардиньи см. примечание выше.

в нужную минуту могла бы поддержать наши задачи. Но, понятно, в сношении с офицерством пришлось идти ошупью. Нельзя было довериться никому: всюду была провокация, всюду был сыск и, только благодаря их беззастенчивости, легко было избежать опасности. Эта организация части не удалась по двум причинам: первая — большая осторожность при разговорах с представителями офицерства; вторая — боязнь офицеров разрушить уже имеющуюся у них организацию на платформе «Учредительного собрания». К началу июля н[ового] ст[иля] мои адъютанты Кремков, Тарасенков и Садковский уже нащупали эту организацию, которая насчитывала до 500–600 офицеров. К этому времени определилось наступление добровольцев и казаков. Я стал действовать более активно.

Означенных сил было, конечно, мало. Надо было искать надежный элемент. Я решился на откровенный разговор с сербским военным атташе полковн[иком] Христочем. Но его отзыв о сербском батальоне, бывшем в распоряжении царицынской чрезвычайки, не был утешителен: «Будет служить тому, кто больше даст. Провокаторов же сколько хотите». В виду этого для активной помощи пришлось составить особый план действий. Следующей важной задачей было восстановление связи с Добровольческой армией и казаками. Первая задача оказалась мне не по силам: послать было некого⁹⁵. Единственные доверенные лица — адъютанты выбивались из сил при нахождении и поддержании связи с Москвою — специальность подп[оручика] Тарасенкова и с царицынской организацией — Кремков и Садковский. Посылка кого-либо из последних двух на юг, и его пропажа грозила срывом всему делу. Других же не находилось. К счастью Тарасенков из Москвы привез сведение, что для этой цели едет сам Страдецкий, а, кроме того, в виду того, что Добр[овольческая] арм[ия] главнейшее свое внимание обратила на юг, а не к Царицыну, как я это ожидал, необходимость экстренности таковой связи миновала. С казаками было две попытки наладить связь: первая — просто ин-формационная, что в Царицыне существует дружеская организация и, вторая, в конце июля н[ового] ст[иля], когда мною был уже выработан план содействия казакам⁹⁶. А именно: сообщение, конечно, словесное говорило: «Очередной операцией Сталина и Минина будет захват Нижне-Чирской станицы. Желательным для ваших единомышленников направлением главного удара на Царицын должна быть линия Кривомузгинская — Карповка — Воропоново. Наше содействие выразится отнюдь не в мятеже в самом городе и попытке его захвата, нет, наоборот. Силы офицеров, выйдя на Дар-гору, ударят в тыл красным, находящимся перпендикулярно означенной линии и пропустят казаков в город. Арьергард будет удерживать Дар-гору, господствующую над городом, Волгой и путями на Сарепту и кольцевой железной дорогой. О судьбе означенных двух гонцов мне ничего не

⁹⁵ В машинописной редакции: Как уже сказано, я в Москве первым условием ставил непременно сообщение ген[ералу] Алексееву о моей деятельности. Кроме того, когда увидел, что связь не налаживается, пытался через полк[овника] Жардины, а также через Киев при посредстве моей жены сообщить в армию о характере моей работы.

⁹⁶ В машинописной редакции далее: с наличными силами офицерской организации.

известно. Относительно содействия донцам здесь уместно будет сказать, что, когда в начале июня нов[ого] ст[иля] они прорвали ж[елезно]дор[ожную] линию Поворино — Царицын, то она была восстановлена исключительно ударами с севера, что было мною доказано на суде в Новочеркасске.

В таковых моих действиях время протянулось до 20-го июля, когда случилась первая значительная перемена. В объяснение ее надо сказать, что в начале июля или конце июня в Царицыне появился народный комиссар по продовольствию Сталин. Настоящая его фамилия — Джугашвили — национальность еврей⁹⁷ из грузин. Сталин обладал чрезвычайными полномочиями по принятию мер добычи продовольствия и революционным образом, пользуясь титулом народного комиссара, распространял свои права захвата во всех отношениях по управлению краем и округом. Наш комиссар Зедин повел двойственную политику: с одной стороны забегал к Сталину как к наркому, с другой стороны крепко стоял за свои права высшего комиссара всего Кавказа. Сталин — образованнейший, умный хитрый, весьма изворотливый и не стесняющийся в средствах большевик, старый и известный партийный деятель, быстро раскусил глупого Зедина, и карьера нашего комиссара и генерала Снесарева, деятельность которого была более, чем пассивна, быстро кончились.

20-го июля по прямому проводу из Москвы Сталин получил приказ: «Сформировать военный совет фронта Северного Кавказа из его — Сталина, Минина и военрука по их назначению». Означенный совет должен был вести только оперативной частью. Все остальные вопросы: снабжения и т.д. оставались в ведении штаба. Зедин и Снесарев получили другие назначения.

С этого момента я потерял главенствующее значение. И следующие две недели я мог лишь следить за делами вообще. К этому периоду и относится начало моей более активной деятельности; сношение с офицерами; окончательная выработка плана и попытка войти в связь с казаками. Числа 25-го июля приехал полковн[ик] Страдецкий, но вести его были весьма неутешительные. Разгром организации в Москве, перерыв сношений в виду его затруднительности с Добр[овольческой] армией. Полковник решил ехать в армию, но выехать ему удалось лишь после начала нашего разгрома Сталиным. Желание Сталина и Минина было иметь военным руководителем меня. Я просил срок одни сутки обдумать это предложение. Возьми я на себя таковое руководство, я был бы поставлен в безвыходное положение: Работа круглые сутки, надзор все время и, взятый за глаза, уши и волю двумя разбойниками, я был бы не в состоянии выполнять свое прямое назначение. Единственным подходящим моим заместителем мог быть полковн[ик] Генштаба Ковалевский. Я решил окончательно, со всяким риском, отказаться от этого предложения. Полковн[ик] Ковалевский знал о моем содействии контрреволюции (употребляю как общий термин) вообще, но об том, что я состоял в организации, не знал. Тут я ему открыл мою таковую принадлежность и, как старший офицер,

⁹⁷ Данное утверждение мемуариста не соответствует действительности.

приказал ему согласиться на принятие такового назначения, что он и выполнил. Взятый в тиски двух комиссаров, Сталина и Минина, с добавкой Ворошилова, полк[овник] Ковалевский совершенно не играл никакой роли в делах, но необходимо должен был там находиться на предмет информации меня о всех предприятиях, кои задумывались Сталиным, который, собственно говоря, являлся диктатором положения в Царицыне. Между тем, Добр[овольческая] арм[ия] и казаки одерживали успехи. Семена нашей работы давали плоды⁹⁸. Кроме того, откровенно говоря, мы своим присутствием и военным авторитетом мешали дружной работе Сталина и Минина, а штаб, конечно, державший нашу сторону, работал исключительно по казенному образцу: от известного часа до известного. Между тем, события надвигались. Необходимо подчеркнуть, что, безусловно, наша деятельность, хотя и с точки зрения буквы закона вполне правильная, вызывала массу нареканий со стороны командного состава, а особенно бывших царицынских деятелей и, надо сознаться, что по духу и чутью они были совершенно правы. Грозные слова: контрреволюционеры и белогвардейцы уже давно были произнесены. Анонимные и открытые дружеские предупреждения броситься и уехать из Царицына стали не редкостью. Но, повторяю, события назревали. Мы должны были оставаться до конца на своем посту. Действиями Сталина и Минина я был почти совершенно не у дел. Но их слишком энергичные и без сомнения противу центром установленных правил меры и действия создали натянутые отношения и между комиссариатом Северного Кавказа, который с их появлением остался, собственно говоря, не у дел.

Между тем, появился новый фактор в деле, который и послужил, вне всякого сомнения, шансом моего и полковника Ковалевского спасения.

Для ревизии дел всех учреждений штаба и политических отделов комиссариата прибыло отделение Высшей военной инспекции нар[одного] комиссара по военным делам Подвойского, который занимал должность нечто вроде военного министра без портфеля. В означенной инспекции я сразу уловил, и меня поняли тоже моментально два человека⁹⁹, которые, приступив к ревизии¹⁰⁰, начали и окончили ее с величественными дифирамбами в нашу пользу. Я написал обширный доклад, объясняющий невыполненные задачи, главным образом, «саботажем» местных властей и неотзывчивостью центра. Были посланы Троцкому¹⁰¹ и Подвойскому телеграммы с указанием на превышение власти, главным образом, Сталиным.

⁹⁸ В машинописной редакции более осторожная фраза: Я надеюсь, что в этих успехах были плоды нашей работы.

⁹⁹ Фамилии пока указать не могу (примеч. А.Л. Носовича). В другой редакции воспоминаний они названы. Речь шла о бывшем полковнике В.А. Миллере и о бывшем капитане Калиском (Каллиском). Миллер Василий Александрович (?-1919) — полковник Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Военный специалист РККА, заместитель председателя военной секции Высшей военной инспекции, член военной организации «Национального центра». Расстрелян в Москве.

¹⁰⁰ В машинописной редакции далее: дали мне понять, что сама ревизия их не интересует, а интересует только вопрос — насколько я и мой штаб контрреволюционны.

¹⁰¹ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (26.10.1879–21.08.1940) — российский революционер, член РСДРП(б). Народный комиссар по военным и морским делам (с 1918), председатель Высшего военного совета (1918).

Я временно торжествовал. Но это продолжалось недолго. 5-го числа августа н[ового] ст[илия] Сталин решил прибегнуть к революционным мерам по отношению к штабу: мне и Ковалевскому было объявлено, что в наших услугах более не нуждаются, а все артиллерийское управление было целиком со всеми письмоводителями, большинство которых из бывших офицеров, арестовано и заключено на барже, которую поместили посреди Волги.

На телеграммы от Троцкого с приказанием не вмешиваться в дела штаба и заниматься лишь подведомственными ему оперативными, Сталин поставил резолюцию: «Не принимать во внимание». Здесь необходимо указать на незаметную, но весьма полезную и опасную деятельность артиллерийского управления. Двумя словами ее легко охарактеризовать: «Активный саботаж». Перепутать грузы, заслать [их], плохо написать адрес, устроить волокиту с выпиской, задержать формалистской выдачу, вся таковая опаснейшая работа выполнялась беспрекословно. Но не обошлось и без предателя — чиновника Чернолуцкого, который и донес об этом Сталину. К счастью, бумажная сторона дела была в хорошем порядке и присутствие инспекции оттянуло скорую расправу со всеми поголовно, но об участии их я [и] сейчас известий не имею. До начала октября, несмотря на все мои хлопоты, весь состав, за исключением случайно уехавшего в Москву нач[альника] управления Чебышева, продолжал сидеть на барже, а несколько было расстреляно¹⁰².

10-го августа, после обеда, подходя к дому, я увидел вооруженного с ног до головы сталинского охранника. Он молча дал мне прочесть бумагу, гласившую: «Предъявителю сего приказано: арестовать бывшего нач[альника] штаба Северо-Кавказского округа и доставить его в комендантское управление». Финал приближался. Первоначально меня и доставленного туда же полк[овника] Ковалевского продержали день в комендантском, а после перевели в угловой отдельный номер «совдепской» гостиницы. Сторожили крепко: два человека с нами в комнате и два других в коридоре.

Надо было спасаться. Моя жена, знавшая всю подкладку, и, поначалу даже остерегавшая меня от доверия к членам инспекции, тут решила поставить вопрос на карту и умоляла спасти меня и Ковалевского¹⁰³. Надо отдать справедливость чинам инспекции, они с опасностью скомпрометировать себя начали отстаивать как нас, так и артиллерийское управление. Реальных данных ни против меня, ни против Ковалевского не было. Обвинения предъявлялись: в саботаже раз; сношении с союзниками два и смутные подозрения в контрреволюционности вообще. Управляющий делами инспекции, которого Сталин принял весьма и весьма нелюбезно, энергично стал на нашу сторону и, благодаря телеграммам

¹⁰² Кроме того, для нашей организации офицеров был устроен склад в 1000 винтовок, 10 пулеметов с достаточным количеством патронов при надежном стороже и смотрителе из бывших офицеров. Вывеска склада, конечно, была вымышленная. Что-то вроде подвижного неприкосновенного запаса. Подробности лежали на начальнике управления (примеч. А.Л. Носовича).

¹⁰³ В машинописной редакции: и умоляла Миллера и Калисского спасти хотя бы меня и Ковалевского.

Подвойского и Троцкого, нас взяли на допрос и следствие в Балашов, где находился сам Подвойский.

[С] 10 по 13 августа нов[ого] ст[иля] казаки находились еще не так близко и мысль, которую я дал моему адъютанту Кремкову, наше освобождение силой и уход к казакам, привести в исполнение не решились. Кроме того, как это выяснилось теперь, в Царицын прибыл и глава этой организации инженер (гражданский) Алексеев¹⁰⁴, привез до 9-ти миллионов денег и захотел, как это мне кажется, играть главную роль. Его план был: непременно привлечение¹⁰⁵ сербов и захват самого Царицына.

13-го утром наши хлопоты относительно меня и Ковалевского увенчались успехом. Достигнуто было соглашение сдать нас на поруки инспекции, допросить в Балашове, а в дальнейшем отправить для окончательного решения в Москву, как назначенных из центра.

13-го вечером пароход «Гроза», на котором пребывала инспекция, совместно с нами ушел в Камышин; и в ночь же на 14^е царицынской чрезвычайкой была открыта алексеевская организация офицеров. Желание во что бы то ни стало увеличить механическую силу организации лишило ее осторожности и строгой конспирации. Приличный на вид помощник коменданта города Царицына проник туда и выведal многое, даже, где лежали деньги. Наше счастье, что пароход отошел, и мы попали на него до раскрытия заговора, иначе был бы конец. Надо подчеркнуть здесь одно важное обстоятельство, что я, как стоявший на таком видном посту, конечно, не мог непосредственно входить ни в переговоры, ни вообще в явные сношения с организацией. Все сношения велись адъютантами, главным образом, поруч[иком] Кремковым, отчасти пор[учиком] Садковским, который в это время был в командировке с генералом Снесаревым, сопровождая его в Москву¹⁰⁶. Кроме того записей и списков не велось. А самая главная ошибка Сталина заключалась в молниеносном расстреле главарей: Алексеева и его штаба. В будущем то, что инженер был однофамилец генерала Алексеева¹⁰⁷, случайно сослужило мне большую службу.

Итак, мы выехали в Балашов и тем самым начинается третий период моей службы — Балашовский.

¹⁰⁴ Алексеев Николай Павлович (?-1918) — инженер, заведующий частью заготовок топлива народного комиссариата путей сообщения. Направлен на Кавказ в составе специальной комиссии для вывоза нефтепродуктов (07.1918). В связи с боевыми действиями на Кавказе комиссия остановилась в Царицыне. Арестован Царицынской ЧК по подозрению в руководстве контрреволюционным заговором и расстрелян.

¹⁰⁵ В документе несогласованно — *непременно* привлечения. В машинописной редакции исправлено самим А.Л. Носовичем.

¹⁰⁶ Это свидетельство Носовича опровергает распространенные в литературе сведения об аресте А.Е. Снесарева в Царицыне и его содержании на барже. Снесарев уехал из Царицына около 20 июля 1918 г. в Москву для доклада Высшему военному совету.

¹⁰⁷ Алексеев Михаил Васильевич (03.11.1857-08.10.1918) — генерал от инфантерии, один из основоположников Белого движения на Юге России, Верховный руководитель Добровольческой армии.

В заключение царицынского периода необходимо подчеркнуть, что он был наиболее труден по сложности обстановки и разнообразию, как выпадавших на мою долю задач, так и способов их решения. Трудность положения осложнялась моей неопытностью, массой окружавших нас врагов, наличием среди служащих штаба специальных провокаторов и появлением хитрого и изворотливого грузинского жиды Сталина-Джугашвили. К большому общему несчастью операции казаков затянулись по многим причинам. Это дало возможность окрепнуть партии наших противников, притянуть на свою сторону Сталина и все окончилось нашим арестом и отбитием казаков. Масштаб времени был нарушен, рухнула и налаженная с таким трудом и риском работа.

III. Балашовский период.

По приезде в Балашов числа 16-го — 17-го¹⁰⁸ мы пользовались сравнительной свободой. Надо сказать откровенно, что убежать, особенно мне, была полная возможность. Но ниже, при основательном разборе мотивов побега вообще, я коснусь этого вопроса во всех его сложных деталях. Здесь при поезде Подвойского в ожидании суда произошла моя встреча с генералом Павлом Павловичем Сытиным¹⁰⁹. Эта встреча имела громадные последствия на все будущие события. На войне Сытин командовал временно, во время наступления от Станиславова к Калушу, 11ой пехотной дивизией. Наша 117[-я] дивизия наступала рядом и с высоты правого берега р. Ломницы Сытин видел, скажу не хвастаясь, блестящую работу 466[-го] Малмыжского — моего полка.

Мы, конечно, разговорились. Прошлая служба Сытина мне, командиру бригады 11ой пехотной дивизии, хотя я там Сытина уже не застал, была известна до тонкости, и я естественно был более, чем осторожен. Печаловался на «саботаж», на засилье Сталина и т.д. Понял ли меня Сытин или нет, я не знаю, но что он из тех людей, что берут быка за рога, это несомненно. Обстановка в Балашове была весьма сложна: 1) Казаки выгнали красноармейцев от линии жел[езной] дор[оги] Поворино — Царицын к линии таковой же дороги Балашов — Камышин. По счастливой случайности этот отход произошел непосредственно за перегруппировкой, согласно указаний из центра, когда главные силы по обилию техники, но и беспорядка, бригада Сиверса¹¹⁰ и дивизия Киквидзе отошли к Воронежской завесе и Северо-Кавказский округ уменьшился на полосу Поворино — линия реки Медведицы¹¹¹. Очередной задачей властей являлось восстановление важнейшей во

¹⁰⁸ В машинописной редакции — 14 или 17.

¹⁰⁹ **Сытин Павел Павлович** (18.07.1870–22.08.1938) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Военный руководитель Южного участка отрядов завесы (формально значился 30.08–11.09.1918). Командующий советским Южным фронтом (11.09–13.11.1918).

¹¹⁰ **Сиверс Рудольф Фердинандович** (11.11.1892–08.12.1918) — член РКП(б), командир Особой бригады (с 09.1918–1-й Особой украинской бригады) в составе 9-й армии. Тяжело ранен (15.11.1918) и умер от ран. Похоронен в Петрограде на Марсовом поле.

¹¹¹ Следовательно, эта неудача не могла быть поставлена мне в вину (*примеч. А.Л. Носовича*).

всех смыслах линии железной дороги. Тому, кому¹¹² это совершить [бы] удалось, были бы лавры и триумф. Подвойский, как военный народный комиссар решил, что лавры и триумф должны выпасть на его долю. Мне кажется, должно быть ясно, что раз меня спасли контрреволюционеры самой инсп[екции], то я должен был быть в курсе всех дел таковой. Так это и случилось. Скоро я узнал, что Подвойский спит и видит, въезжающего на белом коне в Новочеркасск, как победителя, а в Москву — как триумфатора. Разведал я и то, что Сытин и Подвойский чрезвычайно нуждаются для этой операции в знающих помощниках, и мы с Ковалевским намечены в таковые, вся же задержка за противодействием политической секции Высшей инспекции, которая упорно рассматривала нас как контрреволюционеров, а, кроме того, в нежелании ссориться со Сталиным, ибо, понятно, приняв нас на ответственные должности, Подвойский, тем самым, бросал равному ему по рангу комиссару известный вызов. У высоких большевиков есть очень хорошая привычка все важные разговоры стенографировать; а на мое счастье я имел возможность просматривать буквально все стенограммы: стенографистка — завзятая буржуйка, оказалась подругой моей сестры по институту¹¹³. Извиняюсь, если буду утруждать читателя подробностями, часто мелкими, но они делают картину.

Подвойский, решив въехать на белом коне, вынужден был начать уроки верховой езды. Для этого он держал при себе юного корнета как учителя и двух лошадей. Рыжая кобыла корнета была видной лошастью, — старой хорошей манежной езды. Корнет вдребезги ей мешал. Я решил бить на эффект. Сел на кобылу и около поезда вспомнил все фокусы системы Филлисса¹¹⁴ и мои года офицерской¹¹⁵ школы. Кобыла поняла меня с первой же секунды. А Подвойский, еще не говоривший с нами, бросил доклады и, не отрываясь, стоял у окошка. Я был скромн и долго его не задержал. Корнет же просил меня ездить, когда угодно. Я милостиво согласился: Спасибо, если запахнет жареным, то до казаков по прямой всего 40–50 верст. Как мы все тамошние, ежесекундно рискующие жизнью контрреволюционеры ошибались в наших воззрениях на нашу работу и ожидаемое соединение; но об этом ниже. Вообще я решил бить на всеобщую популярность: делал гимнастику, показывал¹¹⁶ искусство плавания, тренировался к бегу, веселился, смеялся, а сам проникал и проникал в тайники инспекции.

Стратегические тайники всех фронтов, а царицынского в частности детально сообщались тоже открытым мне третьим контрреволюционером (фамилию укажу)¹¹⁷. Тут после нашего принятия на службу к Подвойскому была знамени-

¹¹² В документе несогласованно — кто.

¹¹³ В машинописной редакции — по Московскому институту.

¹¹⁴ Система кавалерийской выездки лошадей, названная по фамилии ее разработчика **Джеймса Филлиса** (1834–1913).

¹¹⁵ В машинописной редакции: офицерской кавалерийской.

¹¹⁶ В машинописной редакции далее: на Хопре.

¹¹⁷ В машинописной редакции: «детально мне сообщались подвесаулом Куликовым, казаком Семиреченского войска, молодым генштабом, который тоже связался с Миллером и Калиским». **Куликов Петр Васильевич** (25.06.1888–?) — выпускник ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии

тельная телеграмма от Сталина, Минина и Ворошилова: «Выгнали военных специалистов и прогнали казаков от Царицына!» Смысл ее понятен — они бело-гвардейцы и контрреволюционеры, только нам мешали.

Начался наш допрос. Главнейшими обвинениями были: 1) сношение с союзниками, 2) саботаж вообще, 3) отказ руководствовать действиями против казаков, 4) и главнейшее — связь с организацией Алексеева¹¹⁸. Перед допросом я не знал пунктов обвинения, ибо они были присланы с нарочным из Царицына, но зато я знал, что в нас обоих нуждаются и Подвойский и Сытин, спокойствия у меня в виду этого было сколько угодно. Вопрос первый — правда, что Вы сносились с бывшими союзниками через консула Шарбо и поместили штаб в одном здании с консульством. Оба эти вопроса не выдерживали критики, ибо само «совдепское» правительство до августа месяца сносилось с союзниками, и таковое сношение по телеграмме Троцкого лежало на штабе округа, второй же вопрос вызвал смех Подвойского, когда я ему указал, что сам обвинитель Минин отвел помещение для штаба в доме, где было консульство. Вопрос второй — я с жаром и убедительными фактами, которые Подвойский испытывал и своими боками, доказал, что саботаж по формуле «власть на местах» — вот настоящее обвинение, которое надо предъявить не мне, а самому Сталину и, в особенности, Минину. Третий вопрос — как же я отказывался, когда я писал оперативные приказы, говорил я. Между тем, таковые отказы на самом деле были, ибо царицынские деятели мечтали заманить меня для непосредственного руководства в поле. Четвертый вопрос — какое отношение я имел к Алексеевской организации? Этому вопросу я совершенно не ожидал, и на свое счастье буквально понял его как причастность к Добровольч[еской] армии¹¹⁹. Какое? — изумился я. Да между нами 300 верст. Я только знаю, кто такой генерал Алексеев и знаю, что есть такая армия. Это было сказано так быстро и так наивно и искренно, что, когда мои следователи объяснили мне, что вопрос относится к инженеру Алексееву, уже расстрелянному в г. Царицыне, я вполне ориентировался и также наивно отрицался, как наивно воскликнул в первый раз.

Было и пятое обвинение — по существу выше приведенной телеграммы. Чем я объясняю то явление, что, как только нас уволили, дела стали поправляться, и казаки были отбиты. Я на это ответил: во-первых, это не совсем точно во времени: мы были арестованы 10-го¹²⁰ и после этого включительно до 17-го — 18[-го] н[ового] ст[иля] дела их ухудшились и только лишь 18-го, благодаря измене казачьих частей, перешедших на сторону большевиков, казаки были отбиты — телегр[амма] же — фактическое передергивание событий. А второе, почему не полагают Сталин и Минин того, что останься мы в Царицыне, то дела были бы

(1918), бывший подесаул, офицер 2-го Семиреченского казачьего полка. Военный специалист РККА (с 17.04.1918, добровольно), участник антибольшевистского подполья.

¹¹⁸ В машинописной редакции далее: Наконец, пятое, по существу вышеприведенной телеграммы. На это последнее обвинение нам пришлось отвечать впоследствии.

¹¹⁹ Алексеевская организация существовала как зародыш Добровольческой армии осенью 1917 г.

¹²⁰ В машинописной редакции: отстранены 5-го августа.

и еще лучше. А это предположение также возможно, как и их обвинение нас в том, что с нашим уходом дела улучшились. Но вот в чем обвиняю я их, перешел я по своей системе в контратаку: «С первого числа августа, по 10^е Сталин и Минин, раскопавшие неприкосновенные запасы патронов (сэкономленные нами для казаков), истратили 17 миллионов патронов на 30 тысяч бойцов¹²¹. Это как Вам нравится. Что это значит? Сеять их в песок?» Мои аргументы были убедительны.

Впечатление было благоприятное. Наше дело выиграло. Кроме того, Сытин сказал: «Если они и саботировали и обманывали в Царицыне, то меня-то не проведут!» Решено было нас реабилитировать и использовать при назревающей Балашовской операции Подвойского и Сытина. Я же решил: если не буду иметь возможности работать на пользу общему делу, то убежу — фронт в 40-ка верстах.

Последним камнем преткновения было сопротивление председателя политической секции Иоффе¹²² (еврей, настоящая фамилия Иоффеле¹²³). Но подача им особого мнения о невозможности допускать меня и Ковалевского к оперативным делам, была ликвидирована заявлением Сытина, что он ручается своей опытностью, что мы его не проведем. Сытин ошибся, если нельзя было его провести документально, то в моих руках оказались все старые материалы, которыми я усиленно оперировал два месяца в Царицыне: те же люди, та же местность, плюс к тому приобретенный в Царицыне опыт, а само поведение Подвойского и Сытина как нельзя более способствовало успеху моей работы.

Должен сказать откровенно: если в Царицыне мне часто приходилось идти ощупью — втемную, то во время Балашовской операции я провоцировал как опытный мастер. Должен оговориться, что я попытался работать и активным саботажем, т.е. задержкой выполнения приказов Сытина. Обе мои попытки в корне и весьма определенно были пресечены новым командующим: так отложенная поездка на целые сутки в дивизию Киквидзе с целью продвинуть ее вперед — раз и нераспорядительность, следствием чего был уход необходимого дежурного паровоза — два, окончились недвусмысленным разговором: «Конечно, это быть может и случаи, но прошу их больше не повторять. Саботажа не потерплю. Я за вас тоже отвечаю», — определенно сказал Сытин. Но в моих руках уже было могучее средство, которое яснее ясного говорило: «Успех обеспечен».

На общем совете перед началом наступления 20-го или 21-го числа Подвойский, стуча кулаком, заявил: «Неисполнение приказаний кончено, каждый не исполнивший будет расстрелян!» Но в то же время у него не было никакой реальной силы в руках. А всемогущие князьки Сиверс, Киквидзе и Миронов не только не желали признавать Подвойского, но, как будет видно ниже, были не прочь сами его ликвидировать. Ко всей сложной обстановке присоединилась и наша репутация «белогвардейцев, арестованных и высланных из Царицына». Ядовитая

¹²¹ В машинописной редакции: на 35–40 тысяч бойцов.

¹²² **Иоффе Семен Самойлович** (1895? — 20.06.1938) — революционер, член РСДРП(б) с 1916. Комиссар Высшей военной инспекции (1918).

¹²³ Это утверждение не соответствует действительности.

телеграмма Сталина о нашем изгнании и тотчас успехе над казаками, тоже распространялась политической секцией. Означенные князьки нас не жаловали и, в особенности меня, по царицынским приказам и по новой деятельности. Операция должна была начаться 22-го. Бригада Сиверса стояла в общем резерве, и от него надо было получить один полк пехоты и один кавалерии при батарее. Первое же приказание о таком выделении Сиверс не исполнил. Подвойский был вне себя, и мне было поручено переговорить с Сиверсом по прямому проводу. Зная его характер, чуть не царской гордости, я закатил ему такой тонко издевательский разговор, пересыпанный словечками, излюбленными при корнетском цуканиш¹²⁴: «Потрудитесь, извольте, не должно быть никаких разговоров и т.д.». Сиверс грубо оборвал разговор, отойдя от аппарата, не ответив мне окончательно. Несмотря ни на какие угрозы, Сиверс указанных сил не выделил. Но вдруг снялся всей своей бригадой, численностью до 7 тысяч человек при 24 орудиях и перешел в тот район, куда от него требовалось лишь два полка и одна батарея. Благодаря таковой его самовольности, Сытин и Подвойский остались без общего резерва. Кроме того, таковой переход Сиверса спутал все карты нового Наполеона. Операция вместо 22-го началась только 29-го¹²⁵, благодаря нервам Сиверса получилась оттяжка в 9 дней. Мне неизвестно, как поставлена разведка у казаков, но девять дней оттяжки вместо молниеносного неожиданного начала в то время, когда все телефонисты и телеграфисты и железнодорожники кричали о начале операции, а мне приходилось вести по проводу совсем не двусмысленные разговоры, я полагаю, что это время достаточное для принятия своих контрмер у казаков. За эти девять дней мне довелось побывать у Киквидзе, и тут я узнал причину отказа Сиверса в даче части сил и принятия им решения выполнить таковое приказание, но оригинально — всеми своими силами. «И никогда не дает ни одного красноармейца, да и я не дам». Сиверса уже четыре раза хотели арестовать и объявляли вне закона. «Он силен только своей бригадой. Он от нее никуда не уйдет!» — сказал Киквидзе. И действительно сам Сиверс, несмотря ни на какие приказы Подвойского, к нему не являлся. Я это его свойство моментально учел и еще два раза подсказал Сытину решение взять от Сиверса в помощь то Миронову, то Захаревичу¹²⁶ по одному батальону. Сиверс каждый раз резко отказывал. Бумажный обвинительный материал против Сиверса накапливался не по дням, а по часам. В Арзамас, о чем будет речь ниже, я повез 122 неисполненных им или не так выполненных приказаний и жалобы на него его военного руководителя¹²⁷ Левицкого¹²⁸.

¹²⁴ **Цук** — система неуставных отношений в военно-учебных заведениях старой армии. «Корнетами» на училищном жаргоне называли юнкеров старшего курса кавалерийского училища.

¹²⁵ В машинописной редакции: 31-го.

¹²⁶ **Захаревич Эдуард Иванович** — бывший капитан (возможно, подполковник?) 28-го Сибирского стрелкового полка. Военный специалист РККА, командир бригады (1918), вр.и.д. начальника штаба 9-й армии (1919, 1920).

¹²⁷ В машинописной редакции далее: *бывшего ген[ерала]*.

¹²⁸ **Левицкий Николай Александрович** (02.03.1859-?) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Военный руководитель Балашово-Камышинского участка Южного участка отрядов завесы (1918).

Необходимо объяснить, какую же роль выполнял я и Ковалевский. Полк[овник] Ковалевский был, собственно говоря, начальником штаба Сытина на эту операцию, а я фактически его помощником, хотя мы оба числились временно таковыми у военрука Левицкого, старого из запаса генерала. Сытин, прикрываясь фамилией Левицкого, определенно руководил всей операцией.

Я, естественно, оказался для всяких поручений. В виду затруднительности связи с частями, отошедшими от жел[езной] дор[оги] верст на 30–40¹²⁹, а также нежелания этих князьков держать связь не только за ее трудностью или [их] ленью, но, главным образом, из-за определенного желания оставаться самостоятельными, мне сама собой, благодаря моей подвижности, выпала задача: выезжать ежедневно на фронт с целью наблюдения за выполнением оперативных приказов; короче сказать, быть подталкивающим элементом. Вот эту свою роль я и использовал для достижения моих настоящих целей. Ниже это будет ясно, как я работал.

Для таковой цели в моем распоряжении был автомобиль Форд и постоянно дежурный паровоз с платформой. Без устали и отдыха носился я по фронту и, если Сытин писал самые строгие и правильные приказы, я развозил его товар весьма небрежно — настолько, что к привезенному мною наиболее подходила надпись: «Разбито при перевозке». На Форде всегда помещались: я, комиссар Бутенко и шофер. Во время таковых поездок у меня составилась самая простейшая план побега: разоружить или убить комиссара и приказать шоферу ехать к казакам, а нет, покончить¹³⁰ и с ним, для чего я усиленно обучался управлять Фордом. Но это ниже. Тут же я приступил к подготовке бегства моей жены, что и было своевременно выполнено, благодаря содействию определенного контрреволюционера полк[овника] гв[ардейского] стр[елкового] дивизиона Курвоазье¹³¹, через Воронеж на Украину¹³².

На правом фланге мне подчинялся нач[альник] дивизии Ролько¹³³ — Генштаб выпуска [19]17 года¹³⁴, крайне подтянутый, вечно козырявший и все время титулюющий «Ваше Превосходительство». Растволковать и подсунуть таковому¹³⁵

¹²⁹ В машинописной редакции: верст на 50–60.

¹³⁰ В тексте — прикончить.

¹³¹ Курвоазье (Курвоазье де Лонгемен) Андрей Николаевич (11.05.1888–03.11.1931) — капитан Лейб-гвардии стрелковой артиллерийской бригады. Участник антибольшевистского подполья. Через Украину перебрался к белым. Разжалован за службу у красных. Участник Белого движения на Юге России. Впоследствии — полковник. Умер в эмиграции.

¹³² В машинописной редакции далее: Сам полковник Курвоазье готовял массовое бегство чинов воронежского штаба.

¹³³ Ролько Аркадий Семенович (1887–?) — выпускник ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии (1918), бывший штабс-капитан. Военный специалист РККА, начальник 14-й стрелковой дивизии (1918–1919). Перешел к белым (1919), служил во ВСЮР, капитан. Впоследствии вновь в РККА. В машинописной редакции ошибочно указан в чине капитана.

¹³⁴ Ускоренные курсы 2-й очереди Военной академии, завершившиеся весной 1918 г., считались выпуском 1917 г.

¹³⁵ В машинописной редакции: таковому юнцу.

нужное решение было более, чем пустяком. С его соседом Сиверсом работа была простая — на злобу. Правда, это было опасно, но дало блестящие результаты. Еще левее бригада Захаревича была наиболее стойкая и наиболее трудная в обработке, а потому туда мне пришлось в нужный момент просто опоздать, проколов задние шины автомобиля. С Киквидзе пришлось ладить и играть на его давнишнюю вражду с Мироновым. Так пришлось поступать и с последним. С Киквидзе и Сиверсом были взяты самые верные ноты. Подвойский не терпел их за их великокняжество, а я, насколько я нападал на Сиверса совместно с Сытиным и Подвойским, настолько я поддерживал Киквидзе в разговорах с ними против их на него нападок. Такого рода политика дала очень хорошие результаты.

Начну с Киквидзе и Миронова. У последнего было очень мало конницы, а у соседа Киквидзе справа Захаревича, таковой совершенно не было. Вся связь была возложена на Киквидзе, но он к Миронову таковой поддерживать не хотел. Я раздувал эту вражду и, будучи у Миронова, прозрачно намекнул, что Киквидзе его совсем не жалует. Но в данном случае моей работы даже было не нужно, ибо до сих пор в шт[абе] фронта лежит дело, кто должен платить за ругательные друг другу телеграммы Киквидзе и Миронова, оценкой до 40 тысяч рублей. В результате их грызни, стык их у хутора Секачева все время висел в воздухе, и казачки изрядно молотили по их открытым флангам. Обстановка указывала, что главнейшая работа будет около наиболее злобного и опасного Сиверса. Случай благоприятствовал мне. Подвойский тоже пожелал ездить и подталкивать свои войска. Надо отдать ему справедливость, что подталкивал он их весьма энергично. Так, в ночь с 31-го на 1^е, когда батальон 2-го полка бр[игады] Сиверса не захотел идти из дальнего резерва в ближний, Подвойский с 10-ю своими коммунистами-охранниками врезался в середину батальона и угрозой расстрела сам, 11 на пятьсот, заставил их повиноваться. Этот случай тоже дал козырь в мои руки.

Утром наш комиссар связи случайно подслушал по телефону разговор мощника Сиверса Волынского и командира 2-го полка. Вот этот разговор почти буквально: «Что это у тебя там Подвойский нашумел?» — спросил Волынский. «Да, хлопцы не захотели идти вперед, так он их пригрозил перестрелять, ну и пошли», — отвечает Потапов. «А ты чего смотрел. Также слушать всякую дрянь». «А что же делать. Знаешь сколько кругом него архангелов с маузерами да пулеметами». «А у тебя мало хлопцев, что ли. И пулеметов тоже нет. Надо попросту убрать его, да и этих прохвостов-военруков. Также поналезли свои порядки устанавливать. Не таких убирали». Молоденький комиссарчик совершенно не знал, что делать с таким ценным разговором. Я его натравил сообщить о нем самым секретнейшим образом Подвойскому. Что тот и сделал. В дальнейшем я при случае сказал Подвойскому, что вот мол де, какие слухи ходят у телеграфистов и как мы, военруки, рискуем, и теперь он убедился, где находятся главные «саботажники». В дальнейшем случай помог еще больше. Поезд Подвойского, выехавший на левый фланг, потерпел крушение, и он, разбив себе ногу и получив общее сотрясение, выбыл из строя. Сытин, не подталкиваемый Подвойским, тоже прекратил

поездки на фронт — все осталось на моих плечах. Я не отказывался: с платформы на автомобиль, с автомобиля на лошадь или пешком в цепь для выполнения нужной задачи и обратным порядком для доклада Сытину и Подвойскому о злостном «саботаже» Сиверса, о нераспорядительности Ролько или о злобности Миронова, не желающего слушать никаких указаний, это его качество всегда облегчало работу. После доклада я вновь предлагал свои услуги и снова выезжал на фронт. Главнейшими удачами были непроходимая глупость сопровождавшего меня комиссара Бутенко и неудачи 5 и 6-го сент[ября], 10-го с[ентября] у Сиверса, 11-го у Ролько и последняя катастрофа Сиверса 13-го и 14 с[ентября] нов[ого] ст[иля], повлекшая желательный для нас конец операции, отцветшей, не успев расцвести. После первого продвижения вперед 31-го [августа] и 1-го сентября¹³⁶ случилась катастрофа с поездом Подвойского¹³⁷ и продолжение наступления затянулось до 5-го. Пятого я выехал двинуть вперед Сиверса. Эта первая личная встреча была еще достаточно милая, и мне скоро удалось уговорить его двинуть бригаду вперед. Сиверс боялся за свои фланги. Мы разделили задачу. Правый фланг и связь с соседом он взял на себя, а задачу выдвинуть Захаревича взял я, как мою основную. Необходимо было оттянуть время. Я прибег к проколу задних шин. Запасных шин не было, и один шофер провозился с заклеякой и т.д. часа три. Время было упущено, и Захаревич отказался идти вперед, несмотря на мои категорические приказания. Таковые я отдавал для комиссара, отлично зная, что Захаревич прав, и его бригада к ночному движению не способна. В результате Сиверс получил удар по левому флангу и отступил, в то время, когда Захаревич начал выдвигание вперед. Но размеры неудачи были незначительны. Подвойский был болен. Сытин принял это как случайность. На автомобиль выдали новые камеры и покрышки.

Следующие мои выезды были к Киквидзе и Миронову, результатом коих оказалось полнейшее обнажение хутора Секачева. Между тем, энергичный Киквидзе захватил станицу Преображенскую и письменно требовал содействия Ролько и Сиверса вдоль железной дороги. Таковое энергичное содействие неминуемо привело бы к отступлению казаков за Хопер и к отдаче станицы Урюпинской, которую они уже начали эвакуировать, так как Ролько со своей дивизией на правом ее фланге, наиболее боеспособном, заходил ей в тыл с запада по пр[авому] берегу р. Хопер. После неудачи 5 и 6-го, в то время, когда я был у Киквидзе и Миронова, Захаревич и Сиверс значительно продвинулись вперед, но левый фланг дивизии Ролько имел мало подготовленные и утомленные части, их надо было выдвинуть вперед и сожмнуть с частями Сиверса, дабы вся линия получила устойчивость. Мне выпала задача выдвинуть див[изию] Ролько. Мое положение было весьма затруднительно, но не безвыходное, ибо с такими частями, как на левом фланге, двинуться

¹³⁶ В документе ошибочно — августа.

¹³⁷ Речь идет о крушении поезда Н.И. Подвойского 1 сентября 1918 г. под городом Елань. Подробнее см.: Ратьковский И.С. Крушение 1 сентября 1918 г. спецпоезда председателя Высшей военной инспекции Н.И. Подвойского: версии событий // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2018. № 6. С. 33–49.

вперед было затруднительно. Но мне в помощь был дан энергичный коммунист Лапшин и мой комиссар. Разыгратья нужной трагедии помог случай. Проезжая через станцию Кардаил и толкаясь среди «товарищей» для разведки, я к моей радости узнал, что бригадир Сиверс ждал, ждал продвижения Ролько вперед, да и, не дождавшись, попросту отошел назад. Ясно, что не говоря никому ни слова, я совместно с коммунистами лечу в цепь нежинцев и, ободряя их примером и рассказами, продвигаю их левый фланг верст на 10-ть вперед. Слава Богу ружейного огня было мало, впереди были незначительные силы, но две казацкие пушки заставили меня испытать то, что я не пожелаю своему злейшему врагу — быть под своими снарядами, быть ими раненым, а еще хуже убитым и никогда не быть в состоянии смыть пятно позора. Если это мне так трудно теперь, то что же было бы с моей памятью?! Итак, левый фланг дивизии Ролько продвинулся и обнажился. Зная упрямство Сиверса, я бил наперняка: 9-го вечером он отступил. 11-го утром я к нему приеду. Раньше как 12-го или 13-го он вперед не двинется, а за это время я надеялся на поражение Ролько. Надо было играть ва-банк. Ах, если бы была хоть какая-нибудь связь с казаками — Подвойский в Балашове испытал бы, что значит лаконическое слово «расстрелять», но увы у нас русских порядку ни на грош; хотя об этом ниже, а теперь к делу. 11-го утром мой комиссар, уверенный, что Сиверс далеко впереди, уговаривает меня ехать вдоль фронта, где он будет поднимать дух людей. Я же настоял ехать к Сиверсу от станции Кардаил по его коммуникационной линии. Каково было изумление комиссара, когда войска Сиверса и его пушки оказались направленными в тыл Ролько, а они сами вообще сзади предполагаемой линии верст на пятнадцать.

Сиверс принял нас более, чем недружелюбно. Его приспешник, умнейший жидок, анархист из Южной Америки, псевдоним Петровский¹³⁸, вероятно, разгадал мою провокацию 5-го числа. Из всего разговора было ясно, что Сиверс вперед не двинется, а если двинется, то по особому принуждению. Мое счастье, что Петровский был на позиции, иначе я бы от Сиверса не ушел. Я тотчас выехал на ст[анцию] Кардаил. Тут снова, пустившись в разведку, я уловил, что на левом фланге Ролько не все благополучно. Своим экстренным поездом доставиться в Балашов и пожаловаться на Сиверса было делом двух часов. Я особенно напирал на то, что Сиверс, завзятый «паник» и невежда в военном деле, что только в виду одного обнажения флангов отступать, имея 24 орудия, это предательство и т.д.

Старые угрозы Сиверса помнились Подвойским. А из разговоров с Киквидзе я ясно понял, что Сиверс не постесняется совершить переворот и над народным комиссаром. Подвойский немедленно высылает к Сиверсу партию коммунистов с приказом провести в жизнь его выдвигание вперед и не обращать внимание на обнаженность флангов, активно парируя таковую опасность, но отнюдь не отступая.

¹³⁸ Петровский (Пиотровский) Михаил Алексеевич (1880-?) — рабочий Обуховского завода, анархо-синдикалист. В РККА (с 1918).

11-го вечером левый фланг Ролько отступает в исходное положение, а 12-го утром бригада Сиверса, разозленного Подвойским и упреками коммунистов в трусости выбрасывается верст на 15 вперед. Тринадцатого вечером кончается последний акт оперативных опытов Подвойского и начинается политический финал. Тринадцатого вечером казаки ударили частью по обнаженному правому флангу, частью в место стыка двух полков первой линии. Четырнадцатого к вечеру бригада в паническом ужасе, бросая оружие, снаряды и патроны, отскочила на 25 верст, оставив фланги дивиз[ии] Ролько и бригады Захаревича совершенно обнаженными. Казаков к нашему с Ковалевским счастьем, а для общего дела несчастьем, была лишь бригада при 3 орудиях. Поэтому указанные фланги удержались на местах. Сиверс ушел довольно благополучно, не потеряв артиллерии. Успеха казаки развить не могли. Сиверс ничего не доносил о своем отступлении. Четырнадцатого вечером в Балашове, по частным слухам, только стало известно о неудаче Сиверса. У Подвойского и Сытина создается усиленно нами подогреваемое впечатление, что Сиверс попросту панический военачальник. Если прибавить к этому общее положение отсутствия желания Сиверса присылать донесения, так сказать полное игнорирование им начальства, то решение Подвойского и Сытина, нами тоже подталкиваемое, отставить Сиверса и всех его командиров полков от должностей и судить за ряд невыполненных приказов и панику вообще, будет понятно. Пятнадцатого вечером с этой целью туда выехали видный коммунист Баландин¹³⁹ и новый состав начальников, тоже коммунистов. Подвойский хотел непременно и поездки моей, дабы помочь новому командованию вывести бригаду вперед. Я отлично знал, что моя помощь будет заключаться в моем расстреле и, по соглашению с Баландиным, проехал дальше к Ролько, сказав ему, что приеду к нему после отъезда Сиверса и его помощников. В мозгу шевелилась мысль — пора бежать. Но события сами текли хорошо и насиловать их не пришлось. Баландин и все коммунисты после их приезда к Сиверсу были немедленно арестованы Сиверсом и продержаны под следствием и допросом более двух суток. Я, замаскировавшись товарищем, 18-го утром прибыл в Балашов. Финал наступал быстрыми шагами. Подвойский рвал и метал. Я его подзуживал. Было решено при помощи прибывшего Варшавского полка разоружить и покончить с Сиверсом.

Пока я был у начальника дивизии Ролько, мною была установлена разведка положения у Сиверса, Баландина и его коммунистов, а также, как расположены части Сиверса. Выполнил эту роль самым блестящим образом комиссар-коммунист Бурого, состоявший при Ролько. На эту задачу он пошел весьма охотно, ибо все в один голос возмущались поведением и паническим настроением Сиверса. Я, конечно, подогревал таковое возмущение всевозможными стратегическими лек-

¹³⁹ Баландин Сергей Александрович (1893–1967) — сотрудник Высшей военной инспекции (1918), управляющий делами РВС Южного фронта, командующий группой войск 9-й армии, член РВС 9-й армии (1919).

циями. Как сказано выше, 18-го утром я прибыл в Балашов, удачно поговорив на ст[анции] Кардаил, где в ближайшем селении Пески находился Сиверс с матросом из поезда Подвойского, который подтвердил все сведения Бураго и добавил, что сегодня к Сиверсу приехала политическая секция военной инспекции. В Балашове я сделал энергичный доклад Подвойскому о настоящем невыносимом положении и необходимости покончить с Сиверсом. От Бураго я знал, что вся компания Сиверса твердо решила его не выдавать и, в случае чего, не только отстаивать его силой, но просто уйти с фронта. По всему было видно, что назревал конфликт большого масштаба. Я решил ставить все на карту. Сиверс же, устроив своим отходом прорыв свыше 25 верст по фронту и в глубину, тактически забастовал: от него не было ни одного донесения; ни одного приказа не выполнялось. Командир 1-го полка Нехаенко сказал Бураго: «Пусть хлопцы отдохнут, а мы до Подвойского и военруков доберемся!» Между тем, в Балашове и в Песках все время шли совещания. В Балашове — как ликвидировать Сиверса. А в Песках — как ликвидировать нас, где особенно жестоко напиралось со стороны Петровского (комиссар Сиверса), Волынского и самого Сиверса, вполне правильно ими чуть-ею понятное мое поведение. «Носович и Сытин нас нарочно выдвигают и подставляют нам фланги. Носович и Ковалевский уже раз были арестованы Сталиным, а он не дурак». Вот смысл их справедливых нападок. Но Подвойский и Сытин, озлобленные неудачей такой, казалась, легкой операции, что было на самом деле и работай в этой операции, гордо могу сказать, я так, как следует большевику, казаки были бы сметены простым движением вперед, но я, не рассуждая об опасностях, работал так, как мне повелевал мой долг и принятые на себя обязательства. Но об этом да судят беспристрастные судьбы и будущая история. Итак, Подвойский и Сытин рвали и метали. Решено было взять Сиверса силой. Знаменитый Лапшин должен был командовать посылаемой карательной экспедицией. Я объяснял ему расположение частей Сиверса, но от означенной междоусобной брани решительно уклонился, хотя Подвойский, Сытин и Лапшин туда меня усиленно влекли. Я не хочу быть голословным и поэтому говорю, что о моей таковой деятельности знало три лица: полковн[ик] Ковалевский, спасший меня из Царицына член инспекции¹⁴⁰, который все время говорил: «Ой, опасно, ой, опасно!» и, конечно, моя жена, которая мужественно делила со мной все опасности. 18-го вечером отправился Лапшин со своей экспедицией, но, к сожалению, змеи не перекусались. Политическая секция освободила Баландина и его коммунистов, а, кроме того, ее главари решительно восстали против вооруженного вмешательства. Дело отчасти сорвалось. Виновниками были коммунисты Горин, Александр и струсивший Лапшин, у которого, правда, силы были очень малы, около 500 человек, да к тому же без артиллерии. Между тем, Сиверс рассылал телеграммы

¹⁴⁰ К... (примеч. А.Л. Носовича). В машинописном варианте приведена его фамилия — Калликий.

во все концы Троцкому и Вацетису¹⁴¹, что нам известно не было. Лапшин вернулся обратно. Варшавский отряд отправили к Ролько, который к этому времени потерял Борисоглебск, взятый казаками. Операция готовилась рухнуть, и Сиверс, какой бы он ни был, оказался необходимым. Между тем, политическая секция привезла и неутешительные сведения о настроении отряда Сиверса, а также отчасти Киквидзе. Коротко их можно формулировать: «Подвойский хочет быть новым Сухомлиновым¹⁴². Он окружил себя контрреволюционерами. Он поднял на своем поезде белый флаг. Мы придем и разгромим его и всех его военруков!» Такие постановления полков и недвусмысленные намеки охладили пыл Подвойского, в особенности Сытина, и он 19-го утром, сказав, что операция сорвалась, а его общице дела неотложно требуют в Воронеж к центру всего управления, которое он после перенес в Козлов, спешно эвакуировался из Балашова. С Сытиным я отслал в Воронеж мою жену, а там через полковн[ика] Курвуазье уже все было подготовлено к бегству, оставалось лишь добраться в Воронеж. Жена выехала из Воронежа 21-го [сентября], о чем я получил условную военную телеграмму от Ковалевского. Я был брошен Сытиным на съездение Сиверсу. Из всего штаба при Подвойском остался лишь я один, как приказал Сытин: «Для связи — это необходимо». Опасность была очень велика, но судьба была за меня. Подвойский остался без охраны, между тем в Балашов прибыл от Троцкого новая восходящая звезда коммунизма Мехоношин¹⁴³ (Константин Александрович¹⁴⁴) — молодой человек лет 30-ти, умный, образованный, весьма терпимый и к тому [же] властный и энергичный. Оказалось, он прибыл с весьма деликатной миссией. В центре, благодаря проискам коммунистов, в партии которых состоят почти все большевики, а Сиверс с его компанией и подавно, образовалась значительная группа противников Подвойского, которая открыто обвиняла его, что в лице нашего к себе приближения, он ударился чуть ли не в белогвардейскую окраску. Оказалось Сиверс не дремал и, забастовав тактически, политически повел энергичнейшую компанию против Подвойского и военруков вообще, обвиняя нас в предательстве. Сиверс и компания, испытав на своей шкуре мое военрукство (сокращенное название военного руководителя), взяли истину голыми руками, но мальчишки в бумажном деле, они, как покажет будущее, жестоко ошиблись в своих предположениях, это первое. Второе, только победителей не судят, а Подвойский не был таковым, и Троцкий был весьма недоволен, что Выс[ший] воен[ный] инспектор

¹⁴¹ **Вацетис Иоаким Иоакимович** (11.11.1873-28.07.1938) — бывший полковник, военный специалист РККА. Один из организаторов Красной армии. Главкомандующий всеми вооруженными силами республики (06.09.1918-08.07.1919).

¹⁴² **Сухомлинов Владимир Александрович** (04.08.1848-02.02.1926) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, военный министр (1909-1915). Уволен от службы (1916), арестован (1916) и предан суду по обвинению в превышении власти и государственной измене (1917).

¹⁴³ **Мехоношин Константин Александрович** (30.10.1889-07.05.1938) — революционер, член РСДРП(б) (с 1913-го). Член Реввоенсовета Республики (РВСР) (1918-1919), член РВС Южного фронта (1918-1919).

¹⁴⁴ В документе ошибочно — Николай Константинович.

уклонился от прямого своего назначения инспектирования в оперативную сторону и притом столь неудачно. Между тем, мое положение стало критическим. Сиверс требовал моей выдачи для непосредственного суда. У Подвойского реальных сил не было. К счастью, подошел 21^й советский полк. Инспекция перестала бояться самосуда. Но для меня это вылилось в новое предупреждение. Подвойский, официально отстранив меня от оперативных дел, необходимо должен был пользоваться моими советами, хотя бы на предмет непосредственного своего охранения. К этому делу был привлечен балашовский гарнизон. С 21-м советским полком разыгрался очередной скандал. Его надо было отправить к Ролько в помощь против наступающих казаков. Никто не мог решить этого вопроса. Подвойский вызвал меня. Мои советы были более, чем уклончивые. Я лишь согласился со сложнейшим планом самого Подвойского. Это было 20-го вечером в 20 часов. Но мои враги не дремали. В 22 часа командный состав экстренно вернулся к Подвойскому и доложил, что плана выполнять не будет, ибо он без сомнения предательский, так как в нем принимал участие Носович. Работа политической секции была налицо: меня определенно хотели уничтожить. 21-го утром Подвойский призвал меня и рекомендовал немедленно выехать в Воронеж, но пришлось ехать в Арзамас и вот почему. Перед самым моим отъездом пришли несколько телеграмм от главнокомандующего Вацетиса, в которых оказались копии жалоб Сиверса на Подвойского и нас, его глупейшая телеграмма, объясняющая его поступки и действия и указание, что он выслал особую депутацию в военно-революционный совет республики на предмет объяснения, т.е. для окончательного потопления Подвойского. Расстроенный разговорами с Мехоношиным о его неудачах вообще у высших мира сего, Подвойский в возбужденно нервном настроении требовал от меня документов по делу Сиверса, говоря, что таковой доклад он предписал составить Сытину. Этого доклада у меня не было. Разговор был чрезвычайно бурный и только уравновешенный Мехоношин удержал Подвойского от энергичных мер против меня. Боясь партийного коммунистического суда, Подвойский пугал меня и расстрелами и повешением в виду якобы возможного опоздания к разбору этого дела, истерически выкрикивая, что мы его подвели, не собрав необходимых документов. Я и Мехоношин его успокаивали, что оперативные дела штаба Левицкого (временно) ком[андующий] Захаревич в порядке и ранее моего приезда дело разбираться не может. По приказанию Подвойского мне был дан экстренный поезд, и я, ночью, забрав все оперативные дела штаба балашовского фронта, экстренным поездом выехал к главкому Вацетису в Арзамас. Дела выдал мне, ни секунды не задумываясь, прапорщик Никитин¹⁴⁵, ныне тоже бежавший к казакам и находившийся на гауптвахте в Новочеркасске в одно время со мной. Когда Захаревич узнал, что я увез все дела, так рассказывал Никитин,

¹⁴⁵ **НИКИТИН** — присяжный поверенный, бывший прапорщик, военный специалист РККА, помощник А.Н. Ковалевского. Член антибольшевистской подпольной организации. Бежал к белым (1918).

он был в полной уверенности, что я убежу с ними к казакам. Но к этому действию не пришла полнота времени. Я увлекся новым спортивным состязанием. Сама опасность манила меня с одной стороны, с другой потопление Сиверса обещало чреватые последствия, на что бумажных неопровержимых данных у меня было более, чем достаточно, кроме того, я надеялся, что более поздним побегом я внесу основательное разложение в лагерь наших врагов. 21-го сент[ября] Подвойский спешно покинул Балашов, а я выехал в Арзамас для его и моего обеления.

Балашовская операция была сорвана ровно в 30 суток.

В заключение могу сказать лишь одно. Сколько я принес пользы общему делу вообще, а донскому казачеству в частности, представляю судить людям, прочитавшим эти заметки. Мое скромное желание лишь одно — получить от тех, кому это принадлежит по праву и обычаю — русское «спасибо». В заключение не могу не добавить своего искреннего мнения о моей работе вообще за два эти периода. По своему характеру спортсмена, решительного и часто пылко невоздержанного, я не считал себя подходящим к таковой работе, но если в Царицыне я был робкий, ошупью шедший ученик, то в балашовской операции, правда, сравнительно с царицынским периодом, весьма малого масштаба, я оперировал как опытный мастер, несмотря на установившееся клеймо «арестованного и подозреваемого» и на недреманное око Сытина, выбивавшегося в командующие фронтом. Неудача под Балашовом Сытину не повредила — большевикам были нужны люди, продающие свое ремесло — Сытин получил повышение. А с ним проскочил я, как ловко всех обеливший и отдавший¹⁴⁶ Сиверса под военно-революц[ионный] суд. «Змея да ужалил змею!»

IV. Козловско-Арзамасский период.

По странной случайности этот период тянулся тоже ровно месяц, 24 сентября я и мой адъютант, а также полк[овник] Ковалевский, экстренно высланный Сытиным по тому же делу из Воронежа, делали доклад главнокомандующему Вацетису. У меня к этому времени была приготовлена обширная докладная записка, а все документы виновности Сиверса счетом 122 бумаги, причем самый главный документ — мой разговор по прямому проводу, на который Сиверс ответил отказом и, тем самым, оттянул начало операции на 9 дней, были во главе дела. Вацетис, товарищ по академии и мой и Ковалевского¹⁴⁷, посмотрел на дело с чисто формальной стороны. Да и как же можно было посмотреть иначе. Ему самому осточертели отказы частей и постоянный саботаж мелких владельческих «бригадиров и дивизионеров». Сиверс, кроме того, был давно на примете. С означенным делом возни не было ни одной минуты. Я был прерван на чтении первой четверти моего доклада, да оно и понятно: 122 греха за один месяц — это слишком. Революция была коротка: «Отдать под суд». Пришлось приступить к следующему

¹⁴⁶ В машинописной редакции далее: своими объяснениями.

¹⁴⁷ И.И. Вацетис окончил академию в 1909 г., на год раньше Носовича и Ковалевского.

наиболее щекотливому делу — докладу о положении фронта вообще. Доклад был прерван тоже в самом начале. Главкомандующий оказался врагом излишних подробностей: «Скажите, сколько, по Вашему мнению, надо свежих сил, чтобы покончить с казаками? У меня назревает одна идея, которую я начну осуществлять, как только возьмем Самару», — спросил Вацетис. Положение получилось пиковое. Сказать нужную цифру — пойти против себя. Дернуть мало — попадешь под подозрение. Но здесь пришлось рискнуть по второму вопросу: «Да, дивизии с ее артиллерией будет довольно», — сказал я. «Дам в два раза больше. Дам восемь полков и из них 4 латышских, а это Вы знаете какие», — самодовольно заключил Вацетис¹⁴⁸. Читатель в конце увидит, что дадено в пять раз больше, и то не помогло — отсюда можно вывести заключение моего риска. В конце разговора я просил Вацетиса об освобождении артиллерийского управления, сидящего без предъявления обвинения на барже у Царицына. Главком тут же подписал составленную мною телеграмму. К несчастью судьба этих незаметных и часто огулом позоримых героев для меня неизвестна. Через 30 дней я уже ушел.

По многим неинтересным причинам мы встретились с Сытиным лишь 2-го октября н[ового] ст[иля]. По предположению я должен был занять великодушное место помощника командующего армиями Южного фронта с окладом в 2500 рублей и многими даровыми удобствами. Но обстановка складывал[ась] так, что мне стало ясным: бежать и, возможно скорее бежать — необходимо. Ниже я разберу означенный вопрос очень подробно. Шестого октября в Козлов прибыли Троцкий, Мехоношин, Вацетис, Невский¹⁴⁹ и прочая сволочь. На их заседаниях до девятого включительно решались важнейшие оперативные задачи, которые уже 10 и 11-го стали известными мне¹⁵⁰. А, кроме того, разбирался вопрос о Сиверсе. Мой доклад и 122 бумажонки произвели потрясающий эффект. Сиверса решили судить, а меня и Ковалевского реабилитировали и назначили: меня — помощником, ибо я удобный для выезда на фронт, а Ковалевский предназначался в начальники штаба.

Девятого по приказанию Вацетиса я выехал с ним для личного осмотра всех частей, предназначавшихся к посылке на Южный фронт. Десятого и одиннадцатого в Москве¹⁵¹ я окончательно посвятился в план военно-революц[ионного] со-

¹⁴⁸ Возможно, результатом этого обсуждения стала директива И.И. Вацетиса от 5 октября 1918 г. о направлении на Южный фронт трех латышских стрелковых полков и трех латышских эскадронов для составления резерва главкома на направлении главного удара (Директивы главного командования Красной армии (1917-1920). Сб. док. М., 1969 (далее — ДГК). С. 83).

¹⁴⁹ **Невский Владимир Иванович** (02.05.1876-26.05.1937) — революционер, член РСДРП с 1898-го. Народный комиссар путей сообщения (1918-1919). Член РВСР (1918-1919).

¹⁵⁰ Председатель РВСР Л.Д. Троцкий и члены РВСР выехали в Козлов, где находился штаб Южного фронта, для урегулирования конфликта между командующим П.П. Сытиным и членами РВС фронта. 8-10 октября 1918 г. в Козлове действительно состоялись несколько заседаний РВСР при участии Троцкого, В.А. Антонова-Овсеенко, С.А. Баландина, И.И. Вацетиса, К.Х. Данишевского, П.Е. Лазимира, К.А. Мехоношина, П.П. Сытина, К.К. Юренева и других (Реввоенсовет Республики: Протоколы, 1918-1919: Сб. док. М., 1997. С. 60-61, 63, 77).

¹⁵¹ И.И. Вацетис 10 октября находился в Козлове (Там же. С. 77).

вета республики, состоявший из пяти пунктов, которые приведу в целях общей картины.

Цель: разбить Краснова, а затем Добровольческую армию.

Средство: Общее наступление от Воронежа до Кавказского хребта.

Техника выполнения: вся власть Вацетису и Сытину; резервы не распылять; первая остановка на линии р. Дона; перегруппировка и затем второй удар¹⁵².

Время начала: 1/2 октября¹⁵³ нов[ого] стил[я].

Общая задача: возвращение Дона и Предкавказья революционному народу. «Краснова и Деникина¹⁵⁴ сметем в море!» — так закончил свой план главком¹⁵⁵. Попутно я познакомился с новыми формированиями из продовольственных организаций и, а также, из отрядов чрезвычайных комиссий. Все эти, вне всякого сомнения, ценнейшие сведения до начала проведения их в жизнь, через две недели ровно были достоянием высшего донского командования.

Здесь уместно будет дать краткую характеристику Вацетиса. Происхождение мне неизвестно. Образован — по второму разряду¹⁵⁶ академией Генерального штаба в 1909 году. Вид — небольшого роста, очень толстый, коренастый, совсем без шеи и [с] малюсенькими, вечно красными глазками, Вацетис представляет собою тип упрямого, злобного и достаточно ограниченного, а военном деле, уверенно скажу, не талантливоего полководца и стратега. Да и откуда у него мог бы явиться опыт: более, чем батальоном, он не командовал. Вот конкретный пример. В его плане, [в] третьем отделе¹⁵⁷ — техники выполнения — есть условие: «резервы не должны распыляться, и на юге — вся власть Сытину» — им самим эти условия все время до моего побега жестоко нарушались. Он лично раздергал все предназначенные для Сытина резервы, и в день моего побега у Сытина фактически на весь фронт осталось, независимо от его действий: один батальон, один эскадрон и 16-ть разнокалиберных пушек — все это по вине главкома Вацетиса.

¹⁵² Главное направление удара — Воронеж — станция Каменская и Царицын — Новочеркасск. Второстепенный удар Балашов — Миллерово. Сытину предоставляется право изменить детали плана (**примеч. А.Л. Носовича**). Далее в машинописной редакции: Сытину представлялось право изменить детали плана.

¹⁵³ Вероятно, ноября. В машинописной редакции: «Половина октября». Т.е. в современном понимании — середина октября, что противоречит последующему указанию Носовича на две недели для подготовки операции и оперативным документам.

¹⁵⁴ Деникин Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947) — Генерал-лейтенант. Один из лидеров Белого движения на Юге России. Главнокомандующий Добровольческой армией (с 25.09 (08.10).1918).

¹⁵⁵ Этот план был изложен командующим Южным фронтом П.П. Сытиным в докладе в РВСР от 7 октября 1918 г. (ДГК. С. 83–84). 30 октября П.П. Сытиным и членом РВСР К.А. Мехоношиным были утверждены соображения о переходе фронта в решительное наступление, разработанные сотрудником Носовича и.д. начальника оперативно-разведывательного отдела штаба фронта А.Н. Ковалевским (Там же. С. 240–247). Переход в наступление намечался на утро 3 ноября 1918 г. (Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. док. (далее — ДКФКА). М., 1971. Т. 1. С. 590, 592)

¹⁵⁶ На самом деле И.И. Вацетис окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду, но без причисления к Генеральному штабу.

¹⁵⁷ В документе — отделом.

Я уверен, что если мой побег не отзовется на Сытине, то Павел Павлович будет возглавлять коммунистическую армию пролетариата, если не всех стран, то достаточно интернациональную советскую. Это мое убеждение. Сытин, конечно, в душе не большевик, но он верит в[о] всемирное торжество их идей и крупно поставил ва-банк налево, но об этом подробно на месте.

Задержавшись в Москве и в Арзамасе, 14-го мы выехали на осмотр 2ой Нижегородской дивизии. Она произвела сравнительно достаточно воинское впечатление. Взяли на краул, отвечали: «Здравствуйте, товарищ командир!», прошли церемониалом. Старые мобилизованные солдаты были канвой. Только лошади производили отвратительное впечатление своей некормленностью. Следующая поездка должна была состояться в Симбирск для осмотра Вольской дивизии. Но 15-го — 16-го и 17-го из Царицына получились такие неутешительные сведения, что главнокомандующий решил остаться в Арзамасе, дабы быть в центре управления¹⁵⁸.

Между тем, события грозно требовали побега. Телеграмма 17-го говорила: «Если не поможете снарядами, патронами и живой организованной силой, катастрофа неминуема». Эти сведения необходимо было доставить казакам возможно быстрее. Не моя вина, что стратегические ошибки, скажу откровенно, как чувствовавший на себе в царицынский период и наблюдавший после со стороны их бесталанного полководца ген[ерал]-лейт[енанта] К.К. Мамонтова¹⁵⁹ свели вторично на нет все отчаянное положение большевиков у Царицына, а мои достаточно свежие сведения и полная готовность служить нашему общему делу были погребены в камере № 6 гауптвахты г. Новочеркаска. Не моя вина, что люди не верят благородству и даже неопровержимым документам, а находят удовольствие и самое упорное занятие в грызне друг друга, что делают с прилежанием, достойным лучшего применения.

Но Бог даст наше общее несчастье научит нас работать, а, кроме того, просветлит и наш ум, сделав его гибче. Окончательным экстренным, так сказать, толчком к такому же отбытию на фронт послужил следующий случай. Вацетис дал мне на расшифровку особо секретную телеграмму нач[альника] московского оперативного отделения¹⁶⁰ Аралова¹⁶¹, лично ему адресованную. Легко можно было представить себе мое волнение, когда у меня, имевшего столь прочные связи с французской военной миссией в Москве, начало¹⁶² получаться: «Сейчас откры-

¹⁵⁸ Подробнее о положении в Царицыне в эти дни см.: ДКФКА. М., 1971. Т. 1. С. 354–355. И.И. Вацетис действительно присутствовал 15 октября 1918 г. на заседании РВСР в Арзамасе (Реввоенсовет Республики: Протоколы, 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 86).

¹⁵⁹ **Мамантов (Мамонтов) Константин Константинович** (16.10.1869–14.02.1920) — генерал-майор (впоследствии — генерал-лейтенант). Участник Белого движения на Юге России. Командир Царицынской группы Донской армии (1918–1919).

¹⁶⁰ Правильно — отдела.

¹⁶¹ **Аралов Семен Иванович** (18.12.1880–22.05.1969) — революционер, член РКП(б) с 1918-го. Заведующий оперативным отделом народного комиссариата по военным делам (1918). Член РВСР.

¹⁶² В документе — началось.

та большая контрреволюционная организация офицеров Генерального штаба (а у большевиков я числился таковым), опирающихся на франко-английский империализм. Арестованы Левицкий (каж[ется], бывший при Керенском)¹⁶³, Махров¹⁶⁴ и друг[ие]. К раскрытию всех нитей приняты энергичные меры, указываемых в будущем по этому номеру арестовывайте и препровождайте [в] Москву». Вам понятно: будь там моя фамилия, я бы ее заменил Ивановым-Непомнящим и должен был бы бежать по направлению, меня совершенно не устраивавшему и незнакомому, а именно к чехословакам. Кроме того, я все время мог ждать моей фамилии дополнительно. Финал был бы короток и не принес бы мне ничего хорошего. Немедленно я представил Вацетису всю обстановку в связи с общим положением на юге в таком виде, что мне необходимо и для дела полезно экстренно выехать к Сытину на фронт, ориентировать командующего фронтом о подкреплениях, их составе и качестве и немедленно вернуться к Вацетису для его ориентирования о ходе дел на фронте. Скажу откровенно, что поездки, даже с экстренными поездами, ни для кого теперь не представляют удовольствия, а потому столь ревностная служба, энергия и частный почин всегда производили должное впечатление, и я 17-го же с экстренным поездом отбыл через Москву в Козлов, где был 19-го утром. Сытин крайне обрадовался моему приезду. Он тоже хотел послать меня на фронт. Но ранее дал мне две специальные работы: мотивировать и разработать перегруппировку войск для начала общего удара, который теперь предполагался в первых числах ноября; и второе — разработать проект инженерной обороны всего Южного фронта. Понятно, как я, собиравшийся бежать во что бы то ни стало, хоть пешком, «разработал» эти два вопроса. Печатать их отдал, не читая, Сытину — ему стало некогда: 20 утром получилось известие о прорыве под ст[аницей] Таловой¹⁶⁵. Немедленно я предлагаю свои услуги поехать в этот район и при помощи 1-го советского московского полка восстановить положение. Сытину согласно предписания, данного мне Вацетисом, и также его собственного желания оставалось согласиться на столь ретивое самопредложение настоящего «большевистского генерала». 21-го я выехал. 22-го был в Воронеже. Тут необходимо было собрать детальные сведения о VIII армии, хорошо ориентироваться, сделать

¹⁶³ **Левицкий Борис Антонович** (11.07.1884-?) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Начальник отдела оперативного управления Всероссийского главного штаба, руководитель антибольшевистской подпольной организации в Москве. Арестован (01/02.04.1919). Бежал к белым вместе с генералом Н.Н. Стоговым. Версия о расстреле, по-видимому, не соответствует действительности. В 1917 г. Левицкий действительно являлся генералом для поручений при Верховном главнокомандующем и начальником военного кабинета министра-председателя А.Ф. Керенского. А.Л. Носович неоднократно встречался с Левицким у Ф.А. Бреде (Бриедиса) в период работы в Москве. В нашем распоряжении нет данных об аресте Б.А. Левицкого в 1918 г.

¹⁶⁴ **Махров Николай Семенович** (28.12.1877-1936) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. В нашем распоряжении нет данных о причастности Махрова к антибольшевистскому подполью и о его аресте в 1918 г. Нельзя исключать путаницу с бывшим генерал-майором М.М. Маховым (26.08.1872-ок. 23.09.1919), действительно состоявшем в подпольной организации, арестованным и расстрелянным в 1919 г.

¹⁶⁵ Подробнее см.: см.: ДКФКА. М., 1971. Т. 1. С. 358-359.

подходящие случаю распоряжения, т.е. попровоцировать; достать автомобиль, ибо у нас в штабе все оказались поломанными, а побег легче всего было совершить именно имея автомобиль. Кроме того, пришлось задержаться по причинам политическим. Комиссар армии, уже небезызвестный коммунист Александри, повел тонкую политику, зазывая меня принять командование VIII армией. Он давно был недоволен Чернавным¹⁶⁶ за его пассивность и хотел залучить меня. Чернавин в это время был на фронте. Я поломался для виду, но потом¹⁶⁷ спровоцировал напоследок и тут. Мы покончили настолько решительно, что я решил не видеться¹⁶⁸ с Чернавным, которому Александри должен был объявить об отставке и моем назначении. Обидев, таким образом Чернавина, Александри оставался и без меня. Посадка командования армии на мель была подходящим ударом напоследок. В Воронеже меня ждала еще одна удача. Для поездки необходимо было получить комиссара, т.е. согладастая — Аргуса¹⁶⁹. Вообразите мою радость, когда при армии оказался таковым мой старый спутник по балашовским поездкам Бутенко (Петр Александрович). Человек, как я уже говорил, весьма ограниченный и приученный мною отдавать мне, по первой моей просьбе, его оружие. Мы как подозреваемые, а я еще и нарочно, оружия не имели и, если в поездках с Бутенкой встречали подозрительные разъезды, то я брал от него револьвер, как лучшего его стреляющий, на что он неизменно соглашался. Итак, 23-го мы прибыли в Лиски, а утром 24[-го] были на ст[анции] Хреновая, откуда дальнейшее продвижение к фронту должно было производиться на автомобиле. В заключение этого периода должно сказать: если он не был ни очень опасным, ни активным в смысле непосредственной помощи фронту, то, тем не менее, он был весьма полезным и, без сомнения, за его время я имел возможность добыть важнейшие и достовернейшие, и, что самое главное, своевременно доставить выдающейся ценности данные. Я убежден, что последние успехи наших частей под Лисками основаны на неопровержимых моих данных. Я глубоко сожалею, что, как уже указано выше, недоверие и, быть может, другие мне неизвестные обстоятельства послужили причинами нежелания использовать мой личный, хотя бы кабинетный труд в этих операциях. Конечно, в дознании и при допросе всего не уловить, а при обстановке, в которой я сожрался и подавно многое ускользает. Это будет указано ниже при описании «новочеркасской гауптвахты»¹⁷⁰. Но я уверен, работай я при штабе, имея под рукой все данные, я, зная всю обстановку, их изворотливость и характер Сытина, дал бы казачьему командованию ценнейшие указания. Но судьба сулила мне лишь новые испытания.

¹⁶⁶ **Чернавин Всеволод Владимирович** (29.01.1859–08.1938) — бывший генерал-лейтенант, военный специалист РККА. Военный руководитель Южного участка отрядов завесы (с 08.1918), командующий 8-й армией (09–12.1918).

¹⁶⁷ В машинописной редакции далее: *но потом согласился в видах внесения беспорядка.*

¹⁶⁸ В машинописной редакции: *что я не мог видеться.*

¹⁶⁹ **Аргус** — персонаж древнегреческой мифологии, многоглазый великан, неусыпный страж, часть глаз которого всегда бодрствовала.

¹⁷⁰ В документе: «Новочеркасская гауптвахта».

У. Побег.

Двадцать четвертого октября нов[ого] ст[илия] состоялся мой и моего адъютанта, подпоручика Льва Сергеевича Садковского побег. Четвертого мая я был принят на службу в «Совдепию». Итого пять месяцев и 20 дней вел я напряженнейшую работу чрезвычайной сложности и опасности. Поневоле является сам собою вопрос: почему я не убежал раньше? Вот, что я должен ответить.

Согласно данной мне директивы я должен был работать, проникнув на самые ответственные посты теми способами, которые будут в данный момент подходящи и до тех пор, пока таковая работа будет продуктивна. Означенная директива давала мне полную свободу действий и сообразно обстановке данные для побега вылились в следующие условия: а) продолжать работу, несмотря ни на какую опасность, раз работа продуктивна и дает хорошие результаты. В это же условие входила, конечно, некоторая выдержка для ожидания хороших условий новой работы. В Балашове два раза, а в Козлове раз, эти выжидательные периоды совпадали с подозрениями меня в контрреволюции; б) кроме возможности большой работы побег должен был быть выбран правильно во времени, т.е. тогда, когда я буду наиболее осведомленный о замыслах, планах, сроках и других подробностях, как военной, так и политической жизни. Было бы весьма желательным, чтобы это время совпало с моментом малой возможности плодотворной работы для общей цели; в) факт побега должен внести возможно больше растерянности в среду высшего командования и разложение в среде низшего командования и состава и, конечно, спасти меня от напрасной гибели, если я ее неминуемо вижу или предчувствую; г) последним в случае необходимости пренебрегаемым условием, но необходимо всеми возможными мерами смягченным, являлось требование того, что побег должен возможно менее отразиться на моих оставляемых у большевиков сослуживцах, особенно близких по служебному отношению¹⁷¹ и ни телом, ни душой не виноватых в моих деяниях.

Вот какие сложные требования предъявляли моя задача «активного саботажа» у наших врагов, условия совместной жизни и диких «совдепских» нравов.

Рассмотрим все три периода. Царицынский период не удовлетворял ни одному из вышеуказанных условий, главным образом, потому, что должен был закончиться моим активным выступлением в тыл царицынской Красной армии.

По приезде в Балашов, т.е. второй период, благодаря тотчас же великолепно сложившейся обстановке: наличию двух спасших меня контрреволюционеров, знакомству со стенограммами, появлению Сытина и немаловажной задаче спасения всего артиллерийского управления, а, главное, верхнему чутью, что работа будет, я тоже полагаю лишним приводить много доказательств к тому, что побег мой необходимо должен был быть отложенным, но, если читатель вспомнит: мое поведение в период подследственности и постоянно ревнивому отношению к под-

¹⁷¹ В машинописной редакции далее: и так или иначе замешанных в поручительстве за меня. Или например на Ковалевском.

готовкам побега вообще, то, конечно, ему будет ясно, что я скрылся бы в тот самый момент, как почувствовал подлинную опасность и в объяснение многих моих быстрых и верных, часто удивительно правильно принятых решений, я должен сказать следующее: почти ежедневное полное напряжение всей силы нервов, ума и воли в высшей степени обострили все чувства организма и породили еще добавочное чувство — способность, если хотите, предугадывать события и тем самым находить заранее правильный выход из кажется катастрофического положения. Кроме того¹⁷², мое постоянно энергичное и, даже больше, высокомерное и требовательное отношение к сильным того мира производило большое и лучшее впечатление и давало нужные результаты скорее и вернее, нежели наиболее хитро дипломатическое поведение и действие. Мой характер спортсмена тут пригодился больше, чем наиболее испытанный ум политика. В наличии были кровь и железо, а не только одни хитрые слова.

Последний Козлово-Арзамасский период подходил, по моему мнению, ко всем вышеуказанным требованиям. Первое: уехав от фронта в Козлов, я только почти через месяц мог попасть на таковой и то, де факто, напросившись у Вацетиса и Сытина. Следовательно, моя активная работа сводилась почти к нулю. Да, оно и понятно, напрашивайся я часто, конечно, часто бы и отпускали. Но если эти часто кончались неизменными неудачами? Что бы мне сказал Сытин? Бумажную же работу портить и саботировать у такого знатока и недюжинной энергии человека, можно было лишь перед самым побегом, что я и сделал. Второе: пробыв с 9-го по 17^е при главкоме Вацетисе, я был наиболее осведомлен, чем когда-либо, и сведения сами по себе были ценнейшими, достовернейшими. Следующее их необходимое качество — своевременность — могло быть достигнуто только при немедленном побеге. Начальник штаба Сев[еро]-Зап[адного] района Донской армии полковник Рытиков¹⁷³ знает и не откажет засвидетельствовать, что я употребил все усилия для доставления их ему и в Новочеркасск в возможно скорейший промежуток времени, проехав двое суток без отдыха и днем и ночью на перекладных. То же подтвердит и сопровождавший нас хорунжий Ив[ан] Ив[анович] Белоусов, которому только и твердилось: «Скорей, скорей!» Третье условие: конечно, и Сытин, и Вацетис были убеждены, что если я вынужден буду спасать свою шкуру, то тоже, вероятно, буду все говорить¹⁷⁴. Низшие же и командование и красноармейцы тотчас вспомнят мои предложения и будут вопить: «Нас продают!»¹⁷⁵ Следовательно, эти два условия тоже подходили. Не противоречило положение

¹⁷² В машинописной редакции далее: я хорошо изучил характер и умственный уклад действующих лиц.

¹⁷³ **Рытиков Григорий Степанович** (26.01.1880–21.02.1940) — полковник (позднее — генерал-майор). Участник Белого движения на Юге России. Вр.и.д. командующего войсками Северо-Западного района Донской армии.

¹⁷⁴ В машинописной редакции: конечно, и Сытин, и Вацетис [были убеждены], узнав, что я попался или сам убежал к казакам, безотносительно в обоих случаях, буду все говорить казакам. В первом случае, спасая свою шкуру, а во втором — по долгу службы.

¹⁷⁵ В машинописной редакции далее: Что уже и было неоднократно.

и моей личной безопасности, ибо расшифрованная телеграмма не предвещала мне ничего хорошего. Наконец, четвертое: для спасения артиллерийского управления было сделано все возможное. Между 9 и 17-м я снова просил Вацетиса, и он повторил свое приказание освободить их, а, кроме того, телеграфировал Троцкому, еще была надежда и на амнистию 25 октября. Относительно же остающихся в Козлове, то их обеспечение на первое время, хотя бы на месяц, а дальше¹⁷⁶ — имеющие понятие, да поймут, и сами спасаются. Я озаботился инсценированием моего захвата, а не побега. Ниже будет понятно, как это было сделано. Будет понятно, сколь это было опасно для меня. И будет совершенно понятно и ясно, сколько нравственной пытки мне пришлось перенести, и как Божий перст вознаграждал меня за то, что я не забыл тех, кто страдает, и сам решил страдать, но дать им шанс на спасение.

Из вышеприведенных соображений видно, что ни царицынский, ни балашовский периоды не удовлетворяли требованиям для побега. Но Козлово-Арзамасский ясно указывал на необходимость такового. Приехав 19-го в Козлов, я тотчас приказал адъютанту пор[учику] Садковскому готовиться к побегу. Для чего мы отобрали минимальные вещи, т.е. попросту надели на себя две пары белья и рассовали по карманам мелкие принадлежности, а остальные вещи отдали нашей милой стенографистке с указанием, что ими можно пользоваться в случае, если нас убьют на фронте. Мой план был: сначала осмотр частей Зусмановича¹⁷⁷, которые готовились против Украины, в виду ожидавшегося разрыва, а, как я предполагал, становились уступом справа и только потом прорываться. Но предложение мне командования VIII армией и все нарастающее угрожающее положение, а, главное, необходимость доставить имевшиеся важнейшие сведения своевременно, заставили прорываться немедленно. Двадцать третьего мы¹⁷⁸ достали из штаба автомобиль с двумя незнакомыми шоферами. Бензину было лишь на одну поездку, это тоже заставляло торопиться. Осмотрев по карте местность, я решил начать объезд с левого фланга Алексеевского полка с таким расчетом, чтобы прибыть в дер[евню] Анновку к 4-м часам и тут прорываться. План самого прорыва был такой. Так как моя задача была восстановить фронт у ст[аницы] Таловой, то я заявил комиссару о необходимости сделать рекогносцировку. При выезде за наше охранение, я и Садковский неожиданными угрозами расстрелом из револьверов должны были заставить шофера ехать к казакам, а комиссара или убить в случае сопротивления или взять в плен. Если бы такой выезд не удался, то задержаться в окрестностях Анновки настолько, чтобы там явилась необходимость ночевки, а тогда выйти осматривать ночную службу и уйти к казакам. Решено было провести в жизнь один из планов, во что бы то ни стало. Оставалось только подготовить выполнение первого, как наиболее

¹⁷⁶ В машинописной редакции далее: *знающие о моем побеге сами могли принять меры.*

¹⁷⁷ **Зусманович Григорий Моисеевич** (29.06.1889–07.1944) — член РСДРП(б) с 1915-го, советский военный деятель, военный руководитель и главный комиссар Продовольственной армии (1918).

¹⁷⁸ В машинописной редакции далее: *прибыли в Козлов.*

удобного. Рано утром¹⁷⁹ приехали в з[город] Бобров. Нам предстояла еще задача добыть револьверы, ибо ни у меня, ни у Садковского таковых не было, лишь у комиссара был браунинг. На ст[анции] Бобров ко мне в вагон вдруг входит прапорщик моего 466-го Малмыжского полка Мартьянов. Тут же я воспользовался своим авторитетом и отобрал под расписку от него казенный наган простого действия, но лишь с пятью патронами. План взять его с собою на предмет будущей службы там, где надлежит служить офицеру¹⁸⁰, не удался. Он ехал¹⁸¹ в Лиски. Мы выехали в Хреновую. По дороге я расспрашивал шоферов, нет ли у них оружия? У помощника оказался самовзводный наган, заряженный всеми семью [патронами]. И здесь я нашел выход. Указав, что мы, может быть, будем вынуждены пробиваться сквозь казаков и только с его места можно стрелять из винтовки, я дал ему винтовку и патроны от охраны вагона, а сам вооружился его наганом. Самая главная часть подготовки была окончена — мы были вооружены. Выбор момента и неожиданность нападения обеспечивала удачу. Шансы ухода на автомобиле росли. Адъютант, юноша 21 года, не мог сдержать своего восторга.

В деревне Тройня пришлось чинить рессору, исправлять камеру. Мы воспользовались временем и пообедали в последний раз с нашими «товарищами» комиссаром и шоферами. Тут я выходил на рекогносцировку пешком так сказать, чтобы совсем одурочить и без того доверчивого комиссара. Красноармейцам мною обещались горы теплого белья и одежды, а главное всеми ожидаемая смена и отдых. Сам же я запоминал расположение застав и артиллерии. Следующая деревня Ерохино. Наконец, Анновка, откуда по карте местность наиболее благоприятствовала выезду. До обеда у меня с шофером был подготовительный разговор. Прежде всего, я ему показал, что очень-то в нем я не нуждаюсь, ибо умею управляться с маркой «Case». А попутно узнал, что он служил и возил графа Келлера¹⁸². Тут я ему дал понять, что я, как и граф Келлер, от своего слова не отступлюсь и если что прикажу, то за неисполнение — пуля обеспечена. Подготовивши таким образом шофера, я взял винтовку от помощника и положил под себя, мотивируя, что первый выстрел хочу произвести лично. Помощнику это показалось вполне понятным желанием. Приехав в Анновку для наиболее легкого прохода охранения я взял батальонного командира, который, будучи предупрежден о нашем прибытии по телефону, охотно сопровождал нас до застав и еще охотнее не поехал вперед на рекогносцировку, хотя для него она была бы наиболее интересной. Поговорив в последний раз с «товарищами» и, малость спровоцировав их обещанием всеми желаемой смены, мы бодро двинулись в путь из «кровавой Совдепии» туда, куда властно звали долг и сердечная печаль по Великой, Единой, Неделимой России.

¹⁷⁹ 24 октября 1918 г.

¹⁸⁰ Вычеркнуто «к счастью для него».

¹⁸¹ В машинописной редакции далее: в спешную командировку.

¹⁸² **Келлер Федор Артурович** (12.10.1857–21.12.1918) — граф, генерал от кавалерии, командир III кавалерийского корпуса (1915–1917).

Теперь явилось две задачи: выехать возможно дальше и справиться с комиссаром, у которого было оружие. Стрелять его исподтишка мне не позволяло мое внутреннее я. Тут я должен представить читателям, кто такой Бутенко как человек и почему его мне было вообще жалко. Я ездил с ним довольно часто и он, разговорившись по душам, сознался, что ни одного смертного приговора и ни одной загубленной человеческой души нет на его совести. Подобные разговоры у комиссаров вообще редки: умные из них молчат, а они — единицы. Вся же остальная сволочь только и хвастается количеством выстрелов в упор. Да, попадись мне Поздняков или Грибанов — далеко бы не поехали. Это бы и пришлось сделать, ибо так наивно никто бы из них не обнаружился, это раз, а второе — сопротивление и самое отчаянное было бы неизбежным — они ясно понимали бы, что впереди смерть. Эта предпосылка должна сделать понятными все остальные мои действия по отношению к Бутенко, как бы ни, казалось, грозны могли быть для меня их последствия. Итак, мы поехали в направлении к казакам. Я достал блокнот и карандаш, приготовившись якобы к будущей работе. Бедный Бутенко был вне себя от радости. Как же, завтра годовщина октябрьской революции, и он будет виновником подарка — победы: к такому великому дню мы поднесли подарок революции — Таловая будет взята, фронт восстановлен.

Задача завлечения возможно ближе удалась, как нельзя лучше. «Еще вперед вот на тот бугорок. Ну, еще на тот — оттуда я все срисую. Ах, какая жалость, что не взяли батальонного, ведь ему наступать!» — все время болтаю я. С адъютантом было условлено, что по моей команде: «Смирно! Слушать мою команду!» или после моего выстрела, он справляется с помощником шофера и, если нужно, то и [с] шофером. Катим дальше. Дорога самая полевая и притом идет параллельно Козловке. Я начинаю бояться, что мы попадем [на] непроезжую или на целину и поэтому решаю начать действовать лишь по достижении настоящей дороги на Козловку, которая по расспросам у батальонного должна находиться правее. Но вот и желанная дорога на Козловку. Шоферы хотят ворочать обратно, но я настаиваю выехать еще на следующий бугор, из-за которого ясно видны две церкви Козловки. Дорога стала прелестной. В одну секунду мы выкатываем на пригорок и останавливаемся для наблюдения. Я решил обезоружить Бутенко. «Вынимайте револьвер!» — повелительно говорю я. «А то из балки могут выскочить казаки». Комиссар послушно вынул свой браунинг. Автомобиль на холостом ходу. Машина стоит на месте. Вдали на главной столбовой дороге Н[ижний] Кисляй — Козловка маячит какой-то казачий разъездик. Вижу пор[учик] Садковский вцепился в ручку нагана. И все время поглядывает на меня. «Хотите посмотреть на казаков?» — спрашиваю я Бутенко. «А где? где?» «Да вот вам бинокль. Вон они. Револьвер вам мешает, положите его сюда», — говорю я, указывая на сидение. Доверчивый «товарищ комиссар» кладет свое оружие рядом со мной и начинает смотреть в бинокль. Решительная минута настала! Пор[учик] Садковский вертится на своей скамейке. А я, упоенный удачей, крепко держу оба револьвера в своих руках. И да простит мне мой адъютант за пару минут волнения, которые он пережил,

я откинулся на спинку сидения автомобиля и, просто говоря, отдыхал и телом и душой. План удался. Все препятствия преодолены. Последний барьер сзади. Впереди прямая гладкая дорога. Еще минута, маленький сравнительно риск получить залп заставы в лоб, и я у выигрышного столба. Я у своих. Как я ошибался относительно окончания опасностей. Залпа заставы, правда, я не получил: рядовые казаки уважают белый флаг и верят очевидной истине. Но на верхах... Я только благодаря Провидению избежал позорного залпа без суда.

Бутенко так и не нашел разезда, но его заметил трусоватый помощник шофера. «Не пора ли назад. Бензину мало. Поздно, а фонарей нет», — вдруг обращается к комиссару помощник ш[офера]. «Товарищ комиссар, надо ехать обратно», — подтверждает шофер. «Ну, хорошо, теперь назад», — отдал последнее свое распоряжение комиссар. Шофер включил мотор, и мы начали поворот...

«Смирно! Слушать мою команду! Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» — загремел я во всю силу своих легких. Вероятно ни мой вид, сидящего на фордеке автомобиля с револьверами в каждой руке, ни тон, с каким я отдал приказание, ни решимость, написанная на лице, не давали ни малейшего повода к сомнению, что надо ехать к казакам. Шофер обернулся ко мне. Его глаза встретились с моими. Правая его рука поднялась к козырьку и в ответ как эхо без всякого промедления прозвучало: «Слушаюсь, Ваше Превосходительство». Мотор покатился в Козловку. Весь бледный, трясущийся от страха комиссар сразу почувствовал, что здесь шутками не пахнет. «Но товарищ Носович, зачем, но почему», — залепетал Бутенко. «Здесь нет больше товарищей, а есть генерал русской службы. А теперь в Козловку [к] казакам и за постройку единой великой нераздельной России».

Конечно, просьбы, мольбы отпустить его, ибо он как комиссар будет неминуемо расстрелян. Бутенко вспомнил наши разговоры и правильно попал на мою слабую струну. Действительно, как я уже говорил, он был сравнительно идейный, насколько позволяла его неразвитость и не кровожадный человек. Отпустить его я не мог, ибо он, конечно, рассказал [бы] о моем нарочном побеге. Но я взял его в плен. Он не шевельнул пальцем в свою защиту. Я твердо был уверен, что русские уже взятых в плен за только факт пленения не расстреливают. И я дал ему мое честное слово русского офицера, что я гарантирую ему жизнь, ибо я взял его в плен. Будущее покажет, что я, кажется, ошибся.

Теперь уместно будет подробно объяснить, почему я не мог отпустить Б[утенко], даже будь он разидейнейший человек. Всем известно, что большевики жестоко мстили за свои неудачи и кровью платили по таковым векселям. Мой побег мог, и я неминуемо знал, что если мне не удастся инсценировать его как захват меня казаками в плен во время лихой и смелой рекогносцировки, а за такового меня считали на верхах большевизма — при простом побеге будет жестоко отплачен на многих ничем не повинных людях. Вот почему после удачного прорыва моей первой и важнейшей задачей относительно моих сослуживцев было принятие всех необходимых мер для инсценировки побега и таковой же важной,

также первой задачей, — доставление имеющихся у меня сведений в высшее командование.

Перед самой Козловкой мы выкинули белый флаг и беспрепятственно въехали в деревню, сразу проскочив заставу. Конечно, обратно нас без хороших залпов не пустили бы, но, когда я спросил офицера и назвал себя как генерала русской службы, то урядник лихо откозырнул и дал провожатого к сотенному командиру. Как только я приехал к сотенному, я тотчас приказал ему отправить двух-трех расторопных казаков по Козловке распространять слух, что развозом захвачен автомобилист красных с помощником командующего Южным фронтом Носовичем, объяснив, что это необходимо по вышеприведенным соображениям, а затем рассказал в кратких чертах, как я приехал, кто я такой и почему находился у большевиков.

Доверие я получил полное. И отношение самое милое. Оружие наше я сдал сам и, хотя, когда подошла толпа казаков, то уже настроение стало хуже, но, тем не менее, рядовые казачки верхним чутьем поняли, что так с одним провожатым с тремя револьверами и винтовкой, захваченных к сотенному командиру не препровождают. А батюшка села Козловки хитро улыбался и говорил: «Ну, благослови Вас Боже за вашу трудную работу!» Немедленно мы на автомобиле же выехали в штаб Верхне-донского полка к полковн[ику] Сергеенко¹⁸³, который принял меня замечательно радушно; и принял все меры для скорейшей доставки в штаб участка. На мое счастье моя приобретенная у большевиков осторожность надумила взять у полковника расписку о моем добровольном прибытии к казакам. В дальнейшем она сослужила мне большую службу.

Немедленно мы отправились в путь. Две ночи и два дня то на поезде, то на перекладных, и, наконец, мы приехали в Новочеркасск. Мое пребывание в Новочеркасске опишу ниже.

VI. Заключение

Вот подробности моей почти шестимесячной работы среди большевиков. Мне остается представить этот документ¹⁸⁴ на общий суд. На суд ума, сердца и нравственного чувства всех настоящих русских людей и чинов Добровольческой армии в частности¹⁸⁵, а в заключение всех моих описаний хочу сказать несколько слов, которые, я надеюсь, будут понятны для многих, если не для всех. Моя характеристика — не моя личная задача, скажу про себя лишь одно, что, начав кампанию с первым выстрелом, я покинул фронт лишь после измены украинцев,

¹⁸³ **Сергеенков Николай Николаевич** (?-13.04.1919) — полковник, командир 28-го (1-го Верхне-Донского) конного полка, командир бригады Донской армии (1918), командир 7-й пехей дивизии (1919). Умер от ран.

¹⁸⁴ В машинописной редакции: это показание.

¹⁸⁵ В машинописной редакции: Свидетели моей работы мною указаны. Они подтвердят известные им факты. Подтвердят мою уполномоченность на эту трудную работу. Все остальное логически вытекает из основания всей моей работы.

пропустивших немцев в Киев. Там я не вынес вида гордых и наглых победителей. Я не остался выжидать прояснения политического горизонта, прячась за бронированной юбкой немецкой Амальхен¹⁸⁶. Я решил оставаться активно-верным раз принятому решению сражаться до конца против основных врагов — немцев. На деле я столкнулся с жестокой действительностью. За мою беззаветную решимость снова идти против врага меня ждал расстрел по обвинению в шпионаже в пользу немцев. Случай спас мне жизнь. Я решил уже давно, что жизнь не моя, а принадлежит государству, Родине, России. Вторым удар был еще сильнее — я увидел, что Родины не существует, что кучка наглецов орудует всем, а десятки миллионов, нет, свыше ста миллионов баранов позволяют себя стричь. Я понял, что самое жизнь мне оставили, чтобы использовать мои знания и мою энергию против России же. Я не медлил ни одной секунды. Тотчас я вошел в связь с нашими союзниками и предложил им свои услуги. Не знаю, как будут судить генер[ала] Н.И. Звезгинцева¹⁸⁷ и Потапова, специально посланных для сдачи и сдавших Мурман и Архангельск союзникам. Я от союзников¹⁸⁸ получил широкую задачу содействия на юге, а отсюда и сдачи Царицына. Я был менее счастлив: Царицын сдать не пришлось¹⁸⁹, а сдача Баку, хотя и подготовлена мною¹⁹⁰, но меня там не было, и активно в этом я не участвовал. Второе и самое главное мое действие было помощь Добровольч[еской] армии и всем другим, борющимся с большевиками. Полагаю, что это мне удалось. Если правда тот слух, что полк[овник] Бреде не расстрелян, а убежал, то он скажет, что я, не задумываясь, принял все условия, которые подписывались добровольцами. Одним из них было — смертная казнь за отказ от возлагаемых поручений. Этого наказания мне не нужно: на войне я умел, а перед расстрелом в г[ороде] Лебедине я показал многим, как может и должен выходить на смерть русский офицер. Возложенное на меня поручение я принял беспрекословно с одной лишь оговоркой: «Дайте знать генер[алу] Алексееву о моем таком назначении». Я знал, что сам я едва ли это выполню. Вот простое основание начала моей службы. Я верил в правомочность организации, возглавляемой

¹⁸⁶ Немецкое женское имя.

¹⁸⁷ В документе ошибочно — Звезгинцева.

¹⁸⁸ В машинописной редакции: и от организации Савинкова и от союзников.

¹⁸⁹ В машинописной редакции: но на Царицын наступали не союзники, а в то время политиканствующие командирующие и митингующие казаки.

¹⁹⁰ В машинописной редакции далее: мне не будет поставлена в заслугу — меня там не было. Почему меня там не было. Это хорошо знает полк[овник] Жардинь, которому я говорил, как мне хочется туда бежать и как меня держит более важная и опасная задача — сдача Царицына, чтобы установить прочную связь с чехословаками. Консул Шарбо вместе со мной обсуждал меры, как избежать могущего произойти самосуда с двух сторон: от убегающих большевиков и врывающихся казаков. Это все надо было перенести и сохранить нужное хладнокровие, решимость и постоянно быть на своем посту. Один царицынский период, где у меня есть достаточно свидетелей и все беспристрастных, лично не заинтересованных: Шарбо, Жардинь, Бенью, Христич и Лэтэм, полагал бы, может достаточно охарактеризовать мою деятельность и внушить полное доверие к работе в дальнейшем. И не только к работе, но и к необходимости ее продолжения. Я был самостоятелен в выполнении данной мне директивы. Отсюда следует и соответствующее доверие.

тогда Савинковым. Я не мог ей не верить, видя там полк[овника] Страдецкого¹⁹¹, подп[олковника]¹⁹² Бреде, Перхурова¹⁹³. Когда я высказывал Бреде мои воззрения на будущее России и наши задачи, они совпали с таковыми Добровольч[еской] армии¹⁹⁴. Иначе быть не могло: я старый офицер старой гвардии. Я не знал, когда ехал, как мне придется работать. Но я знал, что я должен работать и решил — буду работать. Настоящее дело показало, и это ясно видно, что работать было возможно¹⁹⁵, лишь провоцируя, и я не задумался, совершенно не подготовленный к таковому способу действий, всю войну прошедший лицом к лицу с неприятелем, не бывший ни одного часу ни в штабе, ни в тылу¹⁹⁶, стал провоцировать, глубоко убежденный, что раз меня на это послали, значит, это надо, значит так необходимо. Я позволю себе уклониться в сторону. Я категорически утверждаю, что в то время, конец марта, апрель и приблизительно до конца августа¹⁹⁷ месяца, таковая провокационная работа в среде большевизма была необходима, хотя бы, скажу свое мнение открыто, для спасения того слабого ростка, который представляла из себя Добровольческая армия. Такая скрытая борьба была необходима для поддержки и объединения контрреволюционных центров и т.д. и т.д. Не наша вина, что мы, русские, высшие в мире сепаратисты, что мы в буквальном смысле слова самоеды и различные партии вместо священного союза против большевиков занимались грызней между собою. Причины лежат глубже, тут не место их затрагивать. Скажу одно, что проникновение в ряды большевизма тогда было необходимо¹⁹⁸. Тысячи активных работников туда проникали. Тысячи их гибли и перед их памятью мы должны благоговейно преклонить голову. Мне остается пожалеть, что не погиб и я, тогда бы не было сомнения, что моя деятельность была правильной. Но скажу фразой балканского героя генерала Гурко¹⁹⁹: «России костей ваших не надо. Ей надо ваши победы, ваши дела». Так ответил он одному

¹⁹¹ В машинописной редакции далее: Чебышева.

¹⁹² Правильно — полковника.

¹⁹³ В машинописной редакции: Кругом же возникали как поганки после дождя всевозможные организации на немецкой ориентации.

¹⁹⁴ В машинописной редакции: которые я вижу как задачи Добр[овольческой] армии и которые были в программе московского отдела.

¹⁹⁵ В машинописной редакции далее: и весьма продуктивно. Я не могу согласиться с определением моей работы как «провокацией». Я был активным военным агентом, действующим в самом центре их организаций. За это я не получал ни от кого ни одной лишней копейки денег, кроме своего жалованья от народа, о пользе которого я заботился. Подобная, небывалая Гражданская война создала новые условия работы, изменила их названия, классификацию и, все время осложняясь и меняя условия своего ведения, продолжает эволюционировать в этих способах и понятиях. То, что весной и летом было необходимым, может стать теперь или к весне 1919 года чрезвычайно вредным и подлежащим коренному изменению.

¹⁹⁶ В машинописной редакции: я видел, что тогда — весной такая деятельность при задаче поднять восстание по всему Поволжью была необходима, и я пошел на эту работу.

¹⁹⁷ В машинописной редакции: приблизительно до конца сентября.

¹⁹⁸ В машинописной редакции: считалось необходимым.

¹⁹⁹ Ромейко-Гурко Иосиф Владимирович (16.07.1828–15.01.1901) — генерал-фельдмаршал, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

бесталанному полководцу, когда тот в ответ на жестокую критику его действий, воскликнул: «В[аше] В[ысоко]пр[евосходительство], помереть мы всегда сумеем». Тут к слову добавлю, что помереть и мне придется за мою деятельность у большевиков, когда она откроется во всех ее подробностях, я, вероятно, должен ждать возмездия. Но вышеуказанный период необходимости такового проникновения, не мог и не может продолжаться вечно. Уже в сентябре месяце мне стало ясно, что теперь необходимо перейти к средствам паралича военной нервной системы большевизма. Своим подчиненным я отдал приказ уходить, как кто может. Но нас в Козлове осталось лишь три. Остальные уже рассеяны, кто на барже, кто в могиле, а кто — неизвестно где. Тогда по приезде в Новочеркасск, как только я стал несколько спокойнее, догадавшись, что меня ждет по крайней мере суд, а не административный расстрел; я тотчас написал рапорт генералам Денисову²⁰⁰ и главнокомандующему генер[алу] Деникину²⁰¹ о необходимости дать нравственную опору оставшимся там офицерам. Надо понять многое: первое — что время теперь крайне сложное, политические отношения меняются с быстротой неуловимой; второе — большинство офицеров пошли в то время, когда их заманили призраком создания армии против немцев; третье — теперь идет насильственная мобилизация; четвертое — введены круговая и семейная поруки²⁰²... отсюда необходима гибкость в понимании сложного момента и раньше всего необходимо обдумать все мельчайшие подробности задачи, как подать руку нравственной помощи не только малодушным, но и заблудшим. Я решительно говорю. Подобный вопрос — есть вопрос громадной государственной важности и большой сложности. Я пробыл среди этих несчастных целых шесть месяцев. Мне кажется, я понимаю их, я должен близко быть к истине относительно их положения. Я должен оговориться, так как я был уполномоченным на работу там, то полагаю, что могу быть вполне беспристрастным при рассуждениях на эту тему. Я хочу надеяться, что этот вопрос будет в конце концов поставлен на очередь, и его решат самым серьезным образом. Гражданская война — это война не одним железом и кровью. В этом случае политика часто делает гораздо больше, нежели самые блистательные победы и союзы²⁰³. Государственная задача — привлечь заблудших, а не только пустить кровь или задушить непокорных. Террор никогда не приводил к широким г[оризонтам]²⁰⁴. Не надо забывать, что мы имеем впереди себя самого изворотливейшего врага. Уже пущены идеи в среду офицерства: «Кто есть главная масса

²⁰⁰ Денисов Святослав Варламович (10.09.1878–19.04.1957) — генерал-лейтенант. Участник Белого движения на Юге России. Командующий Донской армией (1918–1919).

²⁰¹ В машинописной редакции: через ген[ерала] Денисова ген[ералу] Деникину.

²⁰² В машинописной редакции далее: кроме того, легкое крушение старых монархических устоев, далее — Временного правительства и т.д., все создало для офицерства столь сложные условия, что по отношению к ним надо обдумать все мельчайшие подробности задачи, как подать руку помощи, как нравственно помочь не только малодушным, но и заблудшим.

²⁰³ В машинописной редакции: Кроме того, не надо забывать, что мы имеем впереди себя самого изворотливого врага. Пропаганда идет и среди офицерства.

²⁰⁴ Слово неразборчиво. В машинописном варианте этот фрагмент отсутствует.

офицерства? Тот же всемирный пролетариат. В пролетарском государстве Вы пользуетесь всеми благами и т.д.». Не надо забывать, что цвет нашего офицерства уже не существует. Много не надо забывать, а главное ничем, а, тем более, врагом своим пренебрегать не следует. Нельзя действовать по формуле реставрированных французских королей, которые за дни страданий и изгнания «ничего не позабыли и ничему не научились».

Мое заключение не может быть только заключением на тему о произведенной мною работе. Нет, в нем это уже сказано коротко в начале: больше говорить на эту узкую тему нечего. Но я полагаю, что мое заключение вообще должно представлять в себе большую часть впечатлений, перенесенных мною там, наблюдений и вынесенных из них мыслей и определенных выводов, а также необходимо заканчиваться указанием, что же я встретил здесь. Встреча меня не побаловала. Что я перенес в Новочеркасске, это можно резюмировать коротко. Если в марте жизни моей угрожала опасность от ярости неразумной черни большевистских банд, то в октябре, будучи принят сердечно теми, которые поняли только мой порыв, быть может, для них это было просто актом раскаяния, на верхах же казачьего управления я нашел не только бессердечие (у кого сейчас сердце имеется), но ничем не объяснимое тупое упрямство в направлении уничтожать и отказ использовать. Полагаю, что нервное напряжение всего моего организма во всех его проявлениях в период моей работы у большевиков должно быть понятно каждому. Я ходил шесть раз в атаку, командуя эскадроном, каждый раз, доводя дело до решительного конца, командуя полком я прорвал три укрепленных полосы на глубине 60 километров и был окружен с полком в лесном бою, но, откровенно скажу, что тот подъем духа и тот порыв настолько скрадывает сознание опасности, что сравнивать напряжение силы воли при чувстве самосохранения и борьбе с, если хотите, чувством трусости при теперешней моей работе совершенно невозможно. Шесть месяцев этой работы, это шесть месяцев балансирования между стенкой и веревкой — полагаю эта качель, что-либо стоит. Трудно сдерживать себя, трудно играть роль беззаботного человека, когда в каждой паре входящих вооруженных людей не знаешь, кого ожидать, подчиненных или пришедших арестовать. Самое же ужасное — это сознание того, что нет ни одного реального момента, когда можно с уверенностью сказать: «Настало время подороже продать свою жизнь!» Не мне судить о моих заслугах, а, быть может, мои действия будут квалифицированы и иначе, но я твердо убежден, что месяц такой службы хуже года войны в открытую. Я пошел на эту службу беспрекословно. Я был уверен, раз посылают — значит нужно. В крепости своих нервов я не сомневался, а остальное, конечно, зависело от случая. Полагаю, что теперешнее недоразумение зависит от плохой связи с центром. Когда я на полевом суде слушал показания полковн[ика] Страдецкого, законченное так: «В августе месяце я докладывал генералу Деникину о службе генерала Носовича и других лиц. Главкомандующий знал об их деятельности, но не одобрил этой работы. Что Вы имеете сказать по существу этого показания?» — спросил председатель в[оенно]-полевого суда.

«Только одно», — ответил я. «Если бы я знал, что таковая работа, которая в Москве считалась наиболее опасной, трудной, ответственной и, если хотите, почетной, негодна командованию Добровольческой армии, то я, конечно, не взялся бы за нее, это раз; а второе, вероятно и сама организация перестала бы давать таковые опасные поручения». Вот мое искреннее мнение и мой ответ далеко до того времени, как я за свою работу в административном порядке был изгнан из пределов той армии, на пользу которой я принес не одну часть моего здоровья и принадлежать к составу которой я стремился со дня ее основания. Последними моими словами были, есть и будут следующие: «Мне приказали — я повиновался. Донское войско судило меня, но я был оправдан военно-полевым судом. Но я с чувством собственного достоинства всегда скажу — они не имели права судить меня. Я громко требовал отправить меня в Добровольческую армию, к составу которой я считаю себя принадлежащим. В Новочеркасске совершили надо мной насилие. Здесь же я громко требую самого строжайшего следствия по моему делу и, если будет необходимо, то не только, не дрогнув, стану перед военно-полевым судом, но и найду достаточно силы и мужества, чтобы быть довольным каждым его приговором. Но здесь я также буду протестовать всеми силами моей души против административного способа решения моего дела. Я заранее уверен, что в Добровольческой армии правда есть и она восторжествует».

В начале моего заключения я указывал, что оно имеет задачей и общие рассуждения о создавшихся условиях, а также отчасти отвечать на вопросы, которые часто задают мне, как человеку, без сомнения знающему тамошнюю обстановку.

Самым жгучим вопросом является вопрос об офицерах старой армии, поступивших на службу в советские войска. Этот вопрос очень сложен и для ответа на него все офицерство должно быть не только разбито на несколько групп, но сам вопрос, прежде всего, необходимо должен быть освещен с нижеследующей точки зрения. Обстановка и положение России так сложны и запутанны, каждый отдельный индивидуум вообще, а офицерство, в частности, столько вынесло, не только на себе, но и всяких вообще перемен, столько и в данный момент есть всяких недоразумений, споров и несогласий, что определенно кинуть в кого-либо камнем — это, по моему крайнему мнению, мнению человека 8-мь месяцев изучавшего «большевизм» в самой его гуще, еще более трудно, нежели кинуть таковым фарисею в блудницу. Я много раз подчеркивал, что верхи большевизма необычайно изворотливы и в средствах не стесняются. Политическая их окраска и ориентация тоже — окраска хамелеона. Вынужденные спасать свою шкуру, они, не задумываясь, снимают шкуру у первого попавшегося и т.д. И вот офицерство было предоставлено само себе перед почти что неразрешимой задачей — где истина? И в этой предпосылке необходимо ввести корректив — март, апрель и, скажу, включительно до окончательной остановки наступления немцев в России, офицерство, а в этот период офицеры Генерального штаба, в частности, были поставлены в чрезвычайно тяжелые условия для офицера-патриота. С одной стороны мир. С другой — беззастенчивое продвижение наглых победителей вглубь истерзанной

России. С одной стороны ненавистная власть большевиков, с другой — необходимость создать какую-либо вооруженную силу, хотя бы призрак ее, для отпора немцам. Не надо забывать, что армия сама по себе, без сомнения, имеет и душу и ум и сердце, а потому раз только в ней установится какой-либо порядок, она, конечно, сумеет разобраться, где правда.

На основании фактов утверждаю, что наши союзники в то время были весьма заинтересованы в восстановлении Восточного фронта, и если некоторая группа г[оспод] офицеров получила от них полномочие работать против большевиков на предмет разрушения сопротивления Красной армии в направлениях ожидаемой высадки наших союзников, то другая менее счастливая группа определенно была введена в русло большевизма на предмет создания армий, как тогда назывались «завес» против наступления немцев. Без всякого сомнения на мою предпосылку готов ответ. Но когда наступление германцев было ликвидировано, почему они не ушли. Все это хорошо говорить, сидя здесь, да еще и некоторым, которые бурную эпоху перепутья из новейшего русского эпоса выжидали на Украине под защитой того же, искони вражеского нам, русским, немецкого штыка. Надо помнить, что не все это могли сделать раз, а второе и самое главное: «Перепутье было и есть чрезвычайной сложности». Где истина, не знал почти никто. Сейчас она стоит перед нами, прекрасная и всем понятная, во всей своей великой красоте. Она — идеи и беззаветное мужество Добровольческой армии. Но тогда о[б] этой героической Добр[овольческой] армии ходили самые нелепые слухи, включительно до того, что она, как и Донское войско, вошла в контакт с немцами. Снова подчеркиваю, что мне, волею судеб поселившемуся в одной квартире с начальником штаба ее московск[ого] отд[еления], понадобился целый месяц, чтобы войти в связь с Д[обровольческой] арм[ией], то что же надо было затратить для просто желавшего найти таковую. Ко всему надо добавить, что в Москве появились очень многочисленные, богатые и усиленно работающие организации немецкой ориентации, работающие на обильные немецкие деньги и завлекавшие к себе на удочку монархических реклам самого дешевого свойства. Как, например, нахождение у немцев в Москве вел[икого] кн[язя] Ник[олая] Ник[олаевича]²⁰⁵ и так далее. Кроме того, ни одна партия не гнушалась клеветой и сплетнями о другой политической ее сопернице. Следовательно, «перепутье» было, есть и еще будет очень и очень сложным. Что мы воочию видим и сейчас на юге: Добровольч[еское] команд[ование], несмотря на нравственную поддержку союзников, с тяжелым трудом, который с большим успехом и пользой надо было бы применить в другом месте, налаживает свои отношения с Директорией²⁰⁶, Кубанью, Доном, Украиной и т.д. Все озна-

²⁰⁵ Великий князь Николай Николаевич младший (06.11.1856–05.01.1929) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, Верховный главнокомандующий (1914–1915).

²⁰⁶ Временное Всероссийское правительство (Директория) — орган власти, образованный на Государственном совещании в Уфе в сентябре 1918 г. и объединивший антибольшевистские силы Востока России. В октябре 1918 г. правительство переехало в Омск. Упразднено в результате омского переворота 18 ноября 1918 г.

ченные предпосылки делаются мною в объяснение действительно труднейшего положения тамошнего офицерства, связанного по рукам и ногам: обстановкой, голодом, круговой и семейной порукой, несогласием политических взглядов и т.д. Как я уже говорил выше, в Гражданской войне политическая борьба словом и делом часто гораздо удачнее в конечном своем результате и, безусловно, менее братоубийственна, нежели самые блестящие победы и могущественнейшие союзы. А потому к слову уместно будет сказать, близко видев и наблюдая колоссальную энергию «совдепцев» по применению в настоящей борьбе печатного слова, должен подчеркнуть, что у нас не наблюдается и десятой части всей той энергии и т.д. сравнительно с ними. А, между тем, спорить о ненужности и маловажности применения такого испытанного средства, мне кажется, не приходится. Предвходящим важнейшим условием надо поставить положение, что победа будет на стороне той стороны, куда станет главная масса народа, в противном случае даже при кажущемся успехе фактически замирения не будет достигнуто, а я полагаю, что в настоящее время настроение главной массы русского народа более, чем неопределенно и вот к поднятию этого настроения в правильную государственную сторону необходимо приложить все усилия. Эти усилия должны быть, по крайней мере, равносильны усилиям, прилагаемым на фронте. Тогда и только тогда главная цель всякой гражданской междоусобицы — достигнуть поставленной цели «малой кровью», будет обеспечена. Здесь «легкого труда» быть не может. Означенное положение понятно без всяких объяснений.

Итак, вернемся к положению офицеров. Я по своему опыту должен разбить их на несколько главных групп: Первая. Наиболее развитая и с наибольшим процентом офицеров Генерального штаба, добровольно пошедшая на службу в советские войска в марте, апреле и мае. Большинство из них шло, руководствуясь выше приведенной идеей — сопротивления германцам, во что бы то ни стало. Шло на вольнонаемных условиях, но впоследствии взято на учет и поставлено в тиски большевистских ухищрений. Вторая. Мало по малу вытекающая из первой: офицеры, вынужденные к таковой службе голодом и прочими условиями совдепской жизни. Но в то время в некоторое оправдание их, надо сказать, оставленных без всякой нравственной поддержки. Третья — добровольно организующие за свой страх и ответственность всевозможные белогвардейские мятежи и восстания. Первая, вторая и третья группы, вне всякого сомнения, представляют из себя в настоящее время контрреволюционный элемент, добровольно, без всякой надежды в будущем оправдать свое позорное поведение работающий всеми своими силами против большевизма. К этим первым трем группам необходимо применить весьма обдуманые меры, как их использования, так и их не только вывода из орбиты большевизма, но и особых условий суда над ними. Не надо забывать, что таковых условий жизни, которые создались у нас в России, история не запомнит, а если таковые и были, то переживать их значительно труднее, нежели изучать или критиковать со стороны, основываясь на законах и положениях, отнюдь не могущих быть подходящими к современному положению.

К этим первым трем группам надо отнести после зрело обдуманых действий и всевозможных подготовок. Четвертая. Весьма немногочисленная для старого офицерства и более многочисленная для офицеров военного времени прошлых правительств — группа офицеров, вошедших в орбиту большевизма и ставших так называемым красным офицерством. Эту группу совместно с последней пятой возможно будет отделить мерами, о которых сказано для первых трех групп. Об этих мерах я буду говорить подробно ниже. Пятая. Последняя и [з] определенных групп. Это люди, которые намеренно и обдуманно изменили своему долгу, связав свою жизнь и судьбу с «большевизмом», но отнюдь идейно к нему не принадлежащие. Это люди, сказавшие себе: «Се грядет мировая революция. Она победит. Я не разделяю ее идеи, но мне хорошо платят, и я могу не только сделать карьеру, но и спасти себе жизнь, ибо победа на стороне всемирного большевизма, которая вспыхнет не сегодня — завтра». Вот циничные заявления последней группы, надо сказать, весьма ничтожной численно, к чести русского офицерства. Указав на пять главных групп, необходимо сказать, что переходных типов от одной к другой масса, но, на основании многочисленных наблюдений, полагаю, что первые пять указанных мною — наиболее яркие²⁰⁷.

Теперь необходимо обратиться к подробностям мер, которые могли бы послужить средством, дающим, смело утверждать, необходимейшую нравственную опору, не только колеблющимся или уклонившимся, но многим другим офицерам, поставленным в ужасное положение всей сложностью обстановки. А попутно те же меры дадут возможность достаточно рельефно разбить служащих у советской власти на ее приверженцев или людей, потерявших чувство чести и мужества; и противоположную группу офицеров, попавших на службу, благодаря ложным идеям, собственному почину и т.д. и т.д. Не надо забывать, что до сих пор в России не существовало еще власти, к авторитетному голосу которой можно было прислушиваться. Каждый имел право и мог спасти свое отечество по своему крайнему разумению. Меры разумного оповещения должны быть глубоко продуманы. Нельзя довольствоваться только одной формальной отпиской. Смее утверждать, что это вопрос громадной государственной важности, а потому и подлежит быстрому, но всестороннему обсуждению. Относительно означенного вопроса мною уже был подан рапорт, направленный к генералу от кавалерии Драгомирову. Результаты его мне неизвестны.

Все выше изложенное я не только изучил и продумал, так как считал это своей задачей, но к тому же еще и лично прочувствовал, когда попал на новочеркасскую гауптвахту. Ниже приводимые подробности я пишу не для того, чтобы жаловаться на судьбу; нет, вернее судьба ко мне более, чем милостива, но лишь для того, чтобы показать, как много пришлось перенести мне только потому, что, где низшие, а где высшие, не считаются с создавшейся общей сложнейшей обстановкой и рубят головы, даже не с плеча, а с многих совершенно не повинных

²⁰⁷ В машинописной редакции далее вписано от руки: 6^а [группа]. Скрывающиеся.

плеч. Как видно из главы «Побег», меня, добравшегося, сравнительно благополучно, до Новочеркасска с момента приезда туда ожидали величайшие разочарования и переживания. Снова подчеркиваю сложность обстановки. Эти переживания ожидали и перенес их я, уполномоченный на работу правомочной организацией московского отдела Д[обровольческой] арм[ии], меня, которого почти весь военный мир знает как человека, не раз показавшего свое умение смотреть смерти в глаза. Что же ждало просто расквашенного или еще того трагичнее, по своей инициативе начавшего такую работу офицера. Вечный позор и стыд его близких за его полную опасности и риска работу. Говорю заранее, что благодаря многим обстоятельствам мне известны мельчайшие подробности моей колеблющейся участи. Отлично знаю, что был момент, когда человек, весьма высокий, заявил хлопотавшим за меня: «Спасения нет, надежды никакой. Я ничего сделать не могу. Будет расстрелян без суда». Я полагаю ни атаман²⁰⁸, ни генералы Денисов, ни Поляков²⁰⁹ этого отрицать не будут. Какой непроходимый ужас — расстрел без суда человека, который лично передан в руки, привез массу таких сведений, которые не снились высшему командованию и который громко заявляет: «Я уполномочен такими-то и такими-то организациями на эту работу». Ноль внимания: нежелание дать веры ни на грош. Нежелание затрудниться. «Стреляй!» Это полное отсутствие того, что принято называть «государственность». На первом допросе, наглейшем по тону, который вел сам начальник штаба, когда я увидел, что со мной обращаются даже не так, как с неприятельским перебежчиком, я требовал отправки меня в Добр[овольческую] армию, как к ней по смыслу моего уполномочения принадлежащему. Генер[ал] Поляков ответил: «Мы и простых казаков за работу у большевиков расстреливаем, а Вас и подавно». Я совершенно правильно возразил: «Я то не казак. Своих вы можете хотя бы четвертовать». Наивысшим криминалом на допросе было якобы нахальное мое поведение. Что ж мне надо было стоять перед казачьим командованием на коленях? Мне, подготовившему для них падение Царицына в августе, который они не взяли из-за личной политической ситуации со своим «кругом». Мне, сорвавшему приготовленную против них балашовскую августовско-сентябрьскую операцию. А это общее дело, общая цель? Давши им новейшие данные²¹⁰ и умолявший их 14-го²¹¹ возможно скорее переслать их в Добр[овольческую] армию — они таковые не переслали по всем наведенным мною справкам еще к 5 ноября²¹². Я вел себя так, как мне подсказывало чувство моего достоинства и как вел бы себя каждый, сознающий себя абсолютно не только правым, но и заслуживающим, хотя бы простого русского «спасибо». Вместо

²⁰⁸ П.Н. Краснов.

²⁰⁹ Поляков Иван Алексеевич (10.08.1886–16.04.1969) — генерал-майор. Участник Белого движения на Юге России. Начальник штаба Донской армии (1918–1919).

²¹⁰ В машинописной редакции далее: полное боевое расписание войск, действующих на Кавказском фронте.

²¹¹ 27 октября 1918 г. по новому стилю.

²¹² 18 ноября 1918 г. по новому стилю.

него я, оправданный военно-полевым судом, получил от казачьего командования «высылку из пределов Всевеликого...».

Вот, что меня спасло в правовом государстве: первое то, что жена сына генерала М.В. Алексеева²¹³ находилась в то время в Новочеркасске и то, что она всеми силами хлопотала за меня²¹⁴ через генерала А.П. Богаевского²¹⁵, который знал меня по горячей рекомендации покойного создателя Добровольч[еской] армии генерала Алексеева. Но этого оказалось недостаточным и по многим приводящим причинам, не подлежащим разбору, моя судьба была определенно решена — расстрел административным порядком. Необходимо было новый и более реальный случай, чтобы заставить подумать и решить передать дело в руки суда. Я этот случай иначе, как перстом Божьим, не называю. Вот он со всеми подробностями.

14-го²¹⁶ после первого допроса нас привели в кордегардию, где мы ожидали рас-садки нас по отдельным камерам. Из офицерской общей камеры вылезло несколько человек любопытных поглазеть на пойманных зверей, ибо никому еще не было известно, что мы явились сами с адъютантом, а комиссар захвачен нами же в плен. Надо заранее сказать, что я был взбешен системой допроса, его тоном, а главное тем, что ясно увидел: ни одному слову веры и т.д. Зол я был невероятно. Между тем, среди господ, глазевших на нас, настроение нарастало, и по нашему адресу определенно неслись более, чем явные словечки: «Мерзавцы, прохвосты и т.д.». Особенно отличался один подпоручик с явными следами на его лице того, что попал он сюда за пьянство. Мои нервы не выдержали. Мгновенно подскочил я к нему. Встал в [о] вполне ясную позу бокса и ясно отчеканил: «Сидите на гаупт-вахте за пьянство, вместо того, чтобы быть на позиции. Ботинка не достойны мне развязать. Неблагодарно говорить такие вещи до суда». Эффект получился полный. Офицеры вошли в камеру. Казаки вытянулись и притихли, посматривая на нас. Вообразите мое удивление, когда на следующий день в окошечке моей камеры появилось сконфуженное лицо этого же самого подпоручика, и он взволнованным голосом, прося извинения за прошлое оскорбление, доложил: «Полковник Страдецкий здесь в Новочеркасске, но болен тифом. Лежит. У него кризис. Тем не менее, он все сделает, чтобы дать свои показания. Адрес его такой-то». Надо только вообразить себе такое совпадение. Адъютант Страдецкого приезжает

²¹³ **Алексеев Николай Михайлович** (20.12.1891–13.04.1960) — сын генерала М.В. Алексеева, рот-мистр (впоследствии полковник). Участник Белого движения на Юге России. Супруга — **Елизавета Александровна Алексеева**.

²¹⁴ В машинописной редакции далее: и я в первое мгновение не остался без указания, что меня ожида-ет. Но что значили эти хлопоты. Спасибо, она дала мне при свидании указание, что меня ожидает, а в дальнейшем, узнав, что Страдецкий в Новочеркасске, она через ген[ерала] Богаевского сделала все, чтобы спасти меня.

²¹⁵ **Богаевский Африкан Петрович** (27.12.1872–21.10.1934) — генерал-лейтенант. Участник Белого движения на Юге России. Председатель совета управляющих отделами донского правительства и управляющий отделом внешних сношений (1918).

²¹⁶ 27 октября 1918 г. по новому стилю.

к нему его навестить. Напивается. Попадает на гауптвахту. Там меня оскорбляет. Получает отпор. Выпущенный, он немедленно приходит к Страдецкому и, вначале только утаивая об инциденте, говорит: «Вот прохвостов-то изловили и т.д., завтра будут расстреливать без суда. Всякие подлецы-генералы имярек...» «Кто, кого расстреливать?» — в ужасе восклицает Страдецкий. «Генерала Носовича — его поймали». И вот тот случай, который спас жизнь работавшему без страха на пользу Дона, главным образом. Бедный подпоручик долго не мог решиться идти ко мне, помня и рассказав Страдецкому об нанесенном мне оскорблении. Полк[овник] Страдецкий приказал адъютанту во что бы то ни стало проникнуть ко мне и сообщить мне о своем местонахождении и болезни. Я тотчас рапортом донес об этом генералу Богаевскому²¹⁷. На мое счастье это первое и последнее сношение с генералом не подверглось высшей цензуре. Только то, что я сам лично, благодаря такому, из ряда вон выходящему случаю, нашел Страдецкого, это спасло мне жизнь. Говорят, что и после нахождения полк[овника] Страдецкого был момент, когда его не хотели ни допрашивать, ни принимать во внимание²¹⁸. Еще раз повторяю, я говорю голую правду²¹⁹ и иначе в этих записках, как называя все своими именами, говорить не смогу. В дальнейшем своем заключении, которое не могло по существу назваться иначе, как издевательством, я перенес не один раз порывы беспричинной злобы генерала Денисова. Заключены мы были 14-го²²⁰, кормить нас начали только 18-го²²¹, давая солдатский паек, но за деньги. Иначе кормить бы не стали. Присылать со стороны было нельзя. Спать пришлось на голых нарах²²² в сырой и как погреб холодной камере. Все правила международные ли по отношению к попавшему в плен высокому по должности врагу или до суда вообще, к офицеру, совершенно не принимались во внимание. Но физические лишения — ничто в сравнении с нравственными пытками. После дознания указавшего на то, что я говорю правду, мы с адъютантом получили сравнительную свободу, т.е. иногда обменивались словами и выходили в коридор. Все мои попытки для некоторого нервного успокоения получить разрешение на 1/2 часовую прогулку результата не давали²²³. Но самое главное я, в совершенстве знавший фронт большевиков, рвался на работу, рвался, хотя бы в кабинете, сидя за картой, принести необходимую пользу. Понятно, что обстоя-

²¹⁷ В машинописной редакции далее: единственному человеку наверху, который верил в то, что я говорю.

²¹⁸ В машинописной редакции далее: его показаний.

²¹⁹ В машинописной редакции далее: Эти записки, кроме всего, крик наболевшей души.

²²⁰ 27 октября 1918 г. по новому стилю.

²²¹ 31 октября 1918 г. по новому стилю.

²²² В документе — голой наре.

²²³ В машинописной редакции далее: Наконец, за мой рапорт (копия у меня), в котором я просил ускорить мое дело, от меня было отобрано перо и чернила. Этим меня лишили не только времяпрепровождения, но и способа самозащиты — это было хуже всякой нравственной пытки. К общему страданию прибавлялось неудовлетворенное чувство невозможности принести пользу тому делу, из-за которого столько выстрадал и которому принес столько сил.

новка камеры и ожидание расстрела без суда не могли дать²²⁴ ни обстановки, ни спокойствия для необходимой работы. Я умолял дать мне возможность таковой, но раз не хотели, вопрос другой. Хотя без сомнения вся операция Бобров — Лиски разыгралась на основании моих данных²²⁵. Сколь лучше была бы она проведена, если бы я, знающий Сытина и всю обстановку, имел бы доступ к настоящим сводкам. Но «была бы честь предложена, а от убытка Бог избавит!» Вероятно знаменитое суворовское изречение о том, что дорого на войне, не особенно беспокойло казачье управление. Им надо было отбыть номер. Тем не менее, я не выдержал характера и отступил от преподанных мне моими друзьями советов: «Не трогать Денисова!» Я же, полный томления бездеятельностью и уверенный, раз нашелся полк[овник] Страдецкий, то все мои злоключения кончены, написал генералу Денисову рапорт с просьбой ускорить мой разбор, ибо как раньше, так и теперь уверен, что моя работа может быть весьма ценной раз, а потому держать меня праздным есть большой ущерб общему делу два. Кроме того, такого же содержания был написан рапорт генералу Деникину с добавлением соображений относительно мер, необходимых для привлечения офицеров из большевистской армии. Мой рапорт генералу Деникину отослан не был — но это, конечно, не почта. На моем же рапорте ген[ерал] Денисов наизмывался в своей резолюции. Мое пылкое желание служить общему делу уже после дознания, после показания полк[овника] Страдецкого было квалифицировано следующей резолюцией: «Ложь, нахальство. Объявить господину Носовичу, что он только пленник Вс[е]в[еликого] В[ойска] Д[онского] и никто больше. Я знаю за ним такие художества, каких он сам не подозревает». Только последнее оказалось верным — за собой художеств я не знаю и не подозреваю. Финал оказался еще более печальным. Меня и Садковского заперли на замок, но это все ничего, что дадут кусок хлеба и на замок, кусок мяса и на замок, тарелку борща и на замок — это все ничего, а вот то, что, по его приказанию, от меня отобрали мое механическое перо и оставили без способа не только времяпрепровождения, но и последней защиты, это было хуже всякой нравственной пытки. Но человек, кажется, самое выносливое животное.

²²⁴ В машинописной редакции далее: подходящего спокойствия, даже для того, чтобы вспомнить многие важные детали и подробности большевистского фронта и т.д. Но, тем не менее, я напряг всю свою силу воли и дал исчерпывающие показания, но, конечно, многое и ускользнуло.

²²⁵ В машинописной редакции далее: «Полагаю, зная характер Сытина и многие важные детали, кроме того, в совершенстве зная обстановку, допущенный к карте, я бы принес значительную пользу. Но что делать, для пользы общего дела я должен был сидеть в тюрьме.

Был еще вопрос, который приводил в недоумение моих обвинителей и который очень хотел выяснить снимающий показания генерал Иолкин. Почему я заступаюсь за комиссара. Это, как оказалось, был тоже один из пунктов большого подозрения. «Стакнулся с комиссаром, потому его и защищает». Я уже говорил, в чем дело. Я взял его в плен. Я в порыве великодушия обещал, что за него буду заступаться. Я должен был выполнить данное слово «русского офицера», и я его выполнил, несмотря на грозившую мне опасность. Когда я был оправдан, я снова подал рапорт генер[алу] Денисову, прося, если нельзя его помиловать, сослав на каторгу, то оставить заложником и объявить о том во всеобщее сведение». **Елкин Михаил Васильевич** (09.08.1866-?) — генерал-майор. Участник Белого движения на Юге России. Генерал для поручений при командующем Донской армией (с 1918).

Я это все выдержал и вытерплю еще больше, но, тем не менее, добьюсь того, что моя работа будет всесторонне освещена, и я окончательно реабилитирован. Как только меня посадили 14-го²²⁶, я имел два посещения первых и последних, пришла ко мне Елизавета Александровна Алексеева и мой ученик по Пажескому корпусу Жеребков, последний мне ясно говорил, что я себя гублю, заступаясь за комиссара, стараясь спасти ему жизнь. Я объяснил ему, в чем дело и сказал, что я взял комиссара в плен и дал ему слово русского офицера, что он останется жив. Я не могу поступить иначе. Когда я был оправдан, я снова, несмотря на грозившую мне опасность, написал рапорт генер[алу] Денисову, прося, если нельзя его помиловать, оставить жить, то оставить заложником за кого-либо и объявить о нем в газетах. Моя мысль была, есть и будет, что смерть каждого русского от рук русских же, должна быть каждый раз глубоко продумана. Я, стоявший четыре раза у стены в совдепии и раз близко коснувшись ее от рук казаков, смело могу и должен это сказать. На моем рапорте была лаконичная резолюция: «Смешно быть ходатаем по чужим делам».

Как жестоко ошибается генерал Денисов, рубя такие резолюции, как щепки. Люди-то не щепки, и расстрелянный человек ничего другого не представляет, как кучу падали и пользы от него ни на грош. Расстрелять Бутенко только за то, что он, дурак, позволил себя обмануть и завлечь как мальчишку — это... да судит сам читатель. За это надо было помиловать, если к тому прибавить, что ему, хотя бы и по ошибке, но дано честное слово офицера, оправданного полевым судом. Его жизнь могла быть равноценна жизни кого-либо из тех страдальцев, что томятся в Совдепии или, если уже кровь так необходима, то, помиловав за самый факт плена, можно было расстрелять в ответ на пятигорский²²⁷ или какой-либо очередной расстрел заложников у большевиков. Но где думать о таких мелочах — вот единственное объяснение, которое можно привести. Я выполнил свое честное слово до конца.

Здесь уместно ответить и на частое замечание, которое мне приходится получать от лиц, меня знающих: «Но неужели же ты рассчитывал на хороший прием, скажи, от таких лиц, которые тебя или мало или совсем не знают?» «Нет, я не рассчитывал на хороший прием, но на деловой — непременно». Оно так и было в начале, до начальника штаба полковн[ика] Рытикова включительно. Мой прорыв был очевиден, а сведения и рассуждения совершенно правильны. Скажу дальше, с 14 до 16-го²²⁸, т.е. до нахождения и дачи показаний полковн[иком] Страдецким еще могли быть сомнения, но дальше... никаких. Или²²⁹ полковник Страдецкий меня покрывает, и тогда он должен сидеть рядом со мной на скамье подсудимых. Я так и сказал в моем последнем слове на суде: «Я уважаю полевой суд. Я сам

²²⁶ 27 октября 1918 г. по новому стилю.

²²⁷ Речь идет о казни красными 59 заложников в Пятигорске 31 октября — 1 ноября 1918 г. Наиболее известны среди казненных генералы Р.Д. Радко-Дмитриев и Н.В. Рузский.

²²⁸ С 27 по 29 октября 1918 г. по новому стилю.

²²⁹ В документе повторено дважды.

старый командир полка еще царского режима²³⁰. Если показания всех моих главных свидетелей считаются судом справедливыми, то, конечно, в моей невинности сомнения быть не может. Но если нет, то я не вижу рядом со мной полковника Страдецкого». Быть может, это не так. Быть может, я пристрастен. Но вот мое мнение на суд и рассуждение. Я слишком много перенес и передумал, чтобы ошибаться в главных вопросах.

Я подхожу к последнему периоду моих испытаний. Первого ноября²³¹ я прибыл в Екатеринодар. Явился дежурному генералу, доложил все в самых кратких чертах. И ждал моей окончательной реабилитации. С моей точки зрения сомнения быть не могло. Полковник Страдецкий еще в августе месяце доложил о моей деятельности, и хотя генералом Деникиным означенный доклад не был принят благосклонно, тем не менее, своевременно предупреждение сделано было. Снова настоятельно подчеркиваю, что был период, когда работа внутри наших врагов «большевиков», вне всякого сомнения, была необходима, признавалась полезной и тысячи людей там не только работали, но и со славой гибли, кладя свою жизнь на алтарь Отечества. Вне всякого сомнения без провокации, т.е. попросту обмана, военной, в данной обстановке жесточайшей междоусобной войны, хитрости, обойтись было нельзя. И лишь самые большие работники, как Борис Савинков, не могли работать под тем или другим видом, все же остальные: так или иначе, крупно или мелко, долго или коротко, но обязаны были поступать на работу, т.е. проникать в советские организации. И, надо отдать большевикам справедливость, таковых проникновений они боялись больше всего, а, кроме того, с проникнувшими в случае их раскрытия расправлялись самым жестоким образом. Работа по нервному напряжению и опасности едва ли не труднее, нежели в осажденном Севастополе. Работа, которая, раз установлена ее уполномоченность, должна быть всесторонне и возможно быстрее рассмотрена, но отнюдь не решается в административном порядке.

Итак, я ждал момента назначения разбора дела, если таковой в виду моего оправдания судом понадобится. Генерал Драгомиров, к которому я хотел явиться и доложить подробности моей работы и всей обстановки, меня не принял, сказав, что будет говорить со мной после выяснения подробностей работы. Эта резолюция была наложена генералом Драгомировым утром пятого ноября²³², а вечером экстренно, по распоряжению генералов Лукомского²³³ и Романовского²³⁴, должен был выехать вон из пределов Добровольческой армии... Только вмешательство ге-

²³⁰ В машинописной редакции: еще старого царского назначения.

²³¹ 14 ноября 1918 г. по новому стилю.

²³² 18 ноября 1918 г. по новому стилю.

²³³ **Лукомский Александр Сергеевич** (10.07.1868-25.02.1939) — генерал-лейтенант. Участник Белого движения на Юге России. Помощник главнокомандующего и начальник военного управления Добровольческой армии.

²³⁴ **Романовский Иван Павлович** (16.04.1877-05.04.1920) — генерал-майор, генерал-лейтенант (с 12(25).11.1918). Участник Белого движения на Юге России. Начальник штаба главнокомандующего Добровольческой армией (1918-1919).

нерала Драгомирова задержало меня, надеюсь, впредь до разбора моего дела, в Новороссийске. Вообразите ужас моего состояния, ужас нервного напряжения... Человек, пробыв шесть месяцев в столь опасной командировке, все время смотря смерти в глаза, попадает к своим. У казаков его не хотят слушать и только требуют расстрелять без объяснения причин. Наконец, оправданный, измученный нравственно и физически, я приезжаю в свой центр и тут, вместо справедливого разбора, по докладу начальника разведывательного отделения, меня высылают вон, куда хочешь. В России теперь или район Добр[овольческой] арм[ии] или совдепия: и мне остается лишь одно — Черное море, к берегу которого я приперт судьбой. Я говорю все, совершенно не стесняясь. Вот факты, как работают некоторые господа, на основании донесения которых, быть может, составлен доклад начальника разведывательного отд[еления]. В Новороссийске я встретил полковника Потоцкого²³⁵ из Южной армии²³⁶, бывшего гродненского гусара, который мне сказал, что начальник какого-то разведывательного отделения Южной армии хвастал, что он поймал меня и, примерно телесно наказав, выслал казакам. Факт моего прорыва линии красных у деревни Козловки — район Бутурлиновка — вполне доказан. А он хвастает моей поимкой и своей расправой.

Его псевдоним полковник Бармин, настоящая фамилия мне тоже известна²³⁷. Не на основании ли таких сведений обращаются со мной. Тогда мне, конечно, понятно многое из моего положения.

Разве возможны такие действия без точного допроса, без всестороннего следствия. Моя фамилия и я сам достаточно известен, чтобы у меня были друзья, но также могут быть и враги²³⁸. У казаков мне на допросе сказали, генерал К.К. Мамантов отзывался о Вас очень нелестно. Генерала К.К. Мамантова я совершенно не знаю, но очень хорошо помню, что во время его занятий чистокровными лошадьми на петроградском скаковом кругу, мой брат С.Л. Носович — человек весьма уважаемый, а также почти все гвардейские скакуны с К.К. Мамантовым не разговаривали — вот, быть может, причина злобы на меня. Это конкретный пример. Аттестация человека, никогда меня не знавшего и питающего злобу к моему брату может служить причиной расстрела без суда. Многие, очень многое можно и должно сказать на эту тему, но вывод, против которого нет возражений, будет один: «Полковник Страдецкий, член Добров[ольческой] армии, удостоверяет мою

²³⁵ **Потоцкий Николай Павлович** — офицер Лейб-гвардии Гродненского гусарского и Чеченского конного полков.

²³⁶ **Южная армия** — прогерманское монархическое вооруженное формирование. Осенью 1918 г. включено в состав Донской армии.

²³⁷ В машинописной редакции воспоминаний фамилия указана — полковник Мокри. Правильно — **Макри Иван Георгиевич** (10.07.1884-19.03.1927) — ротмистр Отдельного корпуса жандармов (на 1917). В резерве чинов Московского военного округа с переименованием в капитаны (1917). В Южной армии (1918). Подполковник. Уехал в Грецию. В 1919-1920 гг. — в антибольшевистских формированиях Востока России. Полковник, генерал-майор.

²³⁸ В машинописной редакции далее: *Поэтому мое дело может решить только беспристрастное расследование.*

уполномоченность Московским центром на проникновение и работу в среде большевиков на пользу общего дела. Отсюда мое дело должно быть, если к тому есть хотя бы малейшая необходимость, детально рассмотрено. Это задача чести Добровольч[еской] армии, на пользу которой, т.е. общего дела, я работал, не жалея ни сил, ни здоровья и мужественно смотря опасности в глаза. Административного решения вопроса быть не может, несмотря ни на какие субъективные доклады. Я имею право требовать и настоятельно требую самого детального следствия».

*Библиотека современной международной документации
 (Нантер, Франция).*

*Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine.
 F. Nossovitch. F Δ rés 843. Voh 1. (1) (2) (1). Л. 1-2. С. 1-50.
 Подлинник. Ручка.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). (Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). F. Nossovitch. F Δ rés 843. Voh 1. (1) (2) (1).
2. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Voh 1. (1) (3).
3. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Voh 1. (9).
4. Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 2.
5. «Вредить большевизму всеми возможными способами». Белый агент в Красной армии // Источник. 1999. № 5.
6. Ганин А.В. Анатолий Носович: «Я мог сдать Царицын белым...» Противостояние белых подпольщиков и И.В. Сталина в штабе Северо-Кавказского военного округа // Родина. 2017. № 7.
7. Ганин А.В. Арест и освобождение сотрудников штаба Северо-Кавказского военного округа в августе 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3 (10).
8. Ганин А.В. Бывший генерал А.Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9).
9. Ганин А.В. Воспоминания белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича: характеристика и проблема верификации источника // Отечественные архивы. 2018. № 1.
10. Ганин А.В. Воспоминания генерала А.Л. Носовича о работе белого подполья в 1918 году // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность. М., 2017.

11. Ганин А.В. И.В. Сталин в мемуарах белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XV. «Гороховая, 2». СПб., 2017.

12. Ганин А.В. «Квинтэссенция кретинизма». Антибольшевистское движение на Юге России в оценках белого агента в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 3 (18).

13. Ганин А.В. «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А.Л. Носовича из Красной армии // Клио (Санкт-Петербург). 2017. № 1 (121).

14. Ганин А.В. Новые документы о подпольной работе в Красной армии генерала А.Л. Носовича // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019.

15. Ганин А.В. Революционные события 1917 г. в освещении генерала А.Л. Носовича // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1.

16. Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). Сб. док. М., 1969.

17. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. док. М., 1971. Т. 1.

18. Левговд Р.Р. Черноморский флот и Северо-Кавказский военный округ в мае и июне 1918 года. Записки старшего лейтенанта Романа Левговда // Военная Быль (Париж). 1974. № 127.

19. Носович А.Л. (А. Черноморцев). Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. М., 2010.

20. Павленко А.П. Роман Романович Левговд — офицер революционного Черноморского флота // Новейшая история России (Санкт-Петербург). 2018. Т. 8. № 4.

21. Ратьковский И.С. Крушение 1 сентября 1918 г. спецпоезда председателя Высшей военной инспекции Н.И. Подвойского: версии событий // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2018. № 6.

22. Реввоенсовет Республики: Протоколы, 1918–1919: Сб. док. М., 1997.

23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 34. Д. 544.

24. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 76.

25. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 819.

26. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 5. Д. 122.

27. Чебышева К.В. Пять поколений представителей семьи Чебышевых. М., 1997.

28. Черноморцев А. Белогвардейцы в совдепии // Донская волна (Ростов-на-Дону). 1919. № 27 (55). 21 июля.

29. *Черноморцев А.* Бывшие офицеры // *Донская волна.* 1919. № 17 (45). 21 апреля.
30. *Черноморцев А.* Бывший генерал Каменев // *Донская волна.* 1919. № 32 (60). 10 ноября.
31. *Черноморцев А.* Вожди красных // *Донская волна.* 1919. № 27 (55). 21 июля.
32. *Черноморцев А.* Вождь красных И.И. Вацетис // *Донская волна.* 1919. № 11 (39). 10 марта.
33. *Черноморцев А.* Гиттис // *Донская волна.* 1919. № 21 (49). 9 июня.
34. *Черноморцев А.* Красная армия // *Донская волна.* 1919. № 21 (49). 9 июня.
35. *Черноморцев А.* Красный Сиверс // *Донская волна.* 1919. № 10 (38). 3 марта.
36. *Черноморцев А.* Красный Царицын // *Донская волна.* 1919. № 6 (34). 3 февраля.
37. *Черноморцев А.* Миронов, Киквидзе и Захаревич // *Донская волна.* 1919. № 12 (40). 17 марта.
38. *Черноморцев А.* Ноев ковчег // *Донская волна.* 1919. № 16 (44). 14 апреля.
39. *Черноморцев А.* Подвойский, Сытин и другие // *Донская волна.* 1919. № 8 (36). 17 февраля.
40. *Черноморцев А.* После падения Царицына // *Донская волна.* 1919. № 26 (54). 7 июля.

LIST OF SOURCES AND LITERATURE

1. Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). (Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (2) (1).
2. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (1) (3).
3. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1. (9).
4. Wolves, S.V. (2012), *Generals and headquarters officers of the Russian Army. Experience of a passionate* [Generalny i shtab-oficery russoj armii. Opyt martirologa], Vol. 2, Moscow.
5. "Harm Bolshevism in every possible way.' White Agent in the Red Army" ["«Vredit' bol'shevizmu vsemi vozmozhnymi sposobami». Belyj agent v Krasnoj armii"], (1999), Source, № 5.
6. Ganin, A.V. (2017), "Anatoly Nosovich: "I could hand over Tsaritsin to white..." Confrontation between white underground workers and I.V. Stalin at the headquarters of the North Caucasus Military District" ["Anatolij Nosovich: «Ya mog sdat' Caricyn belym...» Protivostoyanie belyh podpol'shchikov i I.V. Stalina v shtabe Severo-Kavkazskogo voennogo okruga"], Homeland, № 7.
7. Ganin, A.V. (2017), "Arrest and Release of Staff of the North Caucasus Military District in August 1918" ["Arest i osvobozhdenie sotrudnikov shtaba

Severo-Kavkazskogo voennogo okruga v avguste 1918 g.”], *Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, № 3 (10).

8. Ganin, A.V. (2017), “Former General A.L. Nosovich and white underground in the Red Army in 1918”, *Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, № 2 (9).

9. Ganin, A.V. (2018), “Memories of the white agent in the Red Army General A.L. Nosovich: characteristic and problem of verification of the source” [“Byvshij general A.L. Nosovich i beloe podpol'e v Krasnoj armii v 1918 g.”], Domestic archives, № 1.

10. Ganin, A.V. (2017), “Recollections of General A.L. Nosovich about the work of the white underground in 1918” in *Historical readings in Lubyanka. Domestic security agencies: history and modernity* [“Vospominaniya belogo agenta v Krasnoj armii generala A.L. Nosovicha: harakteristika i problema verifikacii istochnika” v *Istoricheskie chteniya na Lubyanke. Otechestvennye organy bezopasnosti: istoriya i sovremennost'*], Moscow.

11. Ganin, A.V. “I.V. Stalin in memoirs of white agent in Red Army General A.L. Nosovich” in *Political history of Russia: Past and present. Historical readings, Issue. XV, “Gorohovaya, 2”* [“I.V. Stalin v memuarah belogo agenta v Krasnoj armii generala A.L. Nosovicha” in *Politicheskaya istoriya Rossii: Proshloe i sovremennost'. Istoricheskie chteniya. Vyp. XV. «Gorohovaya, 2»*] Saint-Petersburg.

12. Ganin, A.V. (2019), “‘Quintessence of Cretinism’. Anti-Russian movement in the South of Russia in assessments of the white agent in the Red Army General A.L. Nosovich” [“«Kvintessenciya kretinizma». Antibol'shevistskoe dvizhenie na YUge Rossii v ocenках belogo agenta v Krasnoj armii generala A.L. Nosovicha”], *Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, № 3 (18).

13. Ganin, A.V. (2017) “‘Commissioner, you’re under arrest. Chauffeur, full move forward, to the Goat, right to the Kazacks!’. History of desertion of the assistant commander of the Soviet Southern Front A.L. Nosovich from the Red Army” [“«Komissar, vy arestovany. Shofer, polnyj hod vpered, v Kozlovku, pryamo k kazakam!» Istoriya dezertirstva pomoshchnika komanduyushchego sovetским Yuzhnym frontom A.L. Nosovicha iz Krasnoj armii] // *Clio* (St. Petersburg”), № 1 (121).

14. Ganin, A.V. (2019), “New documents on underground work in the Red Army General A.L. Nosovich” in *Era of Revolution and Civil War in Russia. Problems of history and historiography* [“Novye dokumenty o podpol'noj rabote v Krasnoj armii generala A.L. Nosovicha” v *Epoha Revolyucii i Grazhdanskoj vojny v Rossii. Problemy istorii i istoriografii*], Saint-Petersburg.

15. Ganin, A.V. (2018), “Revolutionary events of 1917 in the coverage of General A.L. Nosovich” in *Centennial of the 1917 Revolution in Russia* [“Revolucionnyye sobytiya 1917 g. v osveshchenii generala A.L. Nosovicha” v *Stoletie Revolyucii 1917 goda v Rossii*], Part 1, Moscow.

16. *Directives of the General Command of the Red Army (1917–1920). Collection of documents* [*Direktivы glavnogo komandovaniya Krasnoj armii (1917–1920), Сб. dock.*] (1969), Moscow.

17. *Red Army Front Command Directives (1917–1922). Collection of documents* [*Direktivы komandovaniya frontov Krasnoj armii (1917–1922 gg.). Sb. dock*], (1971), Vol. 1, Moscow.

18. Levgold, R.R. (1974), “Black Sea Fleet and North Caucasus Military District in May and June 1918. Notes by Senior Lieutenant Roman Levgold” [“Chernomorskij flot i Severo-Kavkazskij voennyj okrug v mae i iyune 1918 goda. Zapiski starshego lejtenanta Romana Levgovda”] in *Voennaya Byl' (Paris)*, № 127.

19. Nosovich, A.L. (A. Chernomorcev). (2010), *Red Tsaritsyn. Look from within. Notes of the white intelligence agent* [*Krasnyj Caricyn. Vzglyad iznutri. Zapiski belogo razvedchika*], Moscow.

20. Pavlenko, A.P. (2018), “Roman Romanovich Levgovd — Officer of the Revolutionary Black Sea Fleet” [Roman Romanovich Levgovd — oficer revolucionnogo Chernomorskogo flota], *Recent History of Russia (St. Petersburg)*, Vol. 8, No. 4.

21. Ratkovsky, I.S. (2018), “Crash on September 1, 1918 of the special train of the Chairman of the Supreme Military Inspectorate N.I. Podvojsky: versions of events” [“Krushenie 1 sentyabrya 1918 g. specpoezda predsedatelya Vysshej voennoj inspekicii N.I. Podvojskogo: versii sobytij”], *History. Scientific review, Ostkraft (Moscow)*, № 6.

22. *Revvoensovet of the Republic: Protocols, 1918–1919: Collection of documents* [*Revvoensovet Respubliki: Protokoly, 1918–1919: Sb. dok.*], (1997), Moscow.

23. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI), F. 71, In. 34, 544.

24. RGASPI, F. 74, In. 2, 76.

25. RGASPI, R. 558, In. 11, 819.

26. Russian State Military Archives (RGVA), F. 11, In. 5, 122.

27. Chebysheva, K.V. (1997), *Five generations of representatives of the Chebyshev family* [*Pyat' pokolenij predstavitelej sem'i Chebyshevych*], Moscow.

28. Chernomorcev, A. (1919), “Belogvardeitsi in the Sodepia” [“Belogvardejcy v sovdepii”], *Don Wave (Rostov-on-Don)*, № 27 (55), July 21.

29. Chernomorcev, A. (1919), “Former officers” [“Byvshie oficeriy”], *Don Wave*, № 17 (45), April 21.

30. Chernomorcev, A. (1919), “Former General Kamenev” [“Byvshij general Kamenev”], *Don Wave*, № 32 (60), November 10.

31. Chernomorcev, A. (1919), “Leaders of the Red” [“Vozhdi krasnyh”], *Don Wave*, № 27 (55), July 21.

32. Chernomorcev, A. (1919), “Chief of the Red I.I. Vaztis” [“Vozhd' krasnyh I.I. Vacetis”], *Don Wave*, № 11 (39), March 10.

33. Chernomorcev, A. (1919), “Gittis” [“Gittis”], *Don Wave*, № 21 (49), June 9.

34. Chernomorcev, A. (1919), “Red Army” [“Krasnaya armiya”], *Don Wave*, № 21 (49), June 9.
35. Chernomorcev, A. (1919), “Red Sievers” [“Krasnyj Sivers”], *Don Wave*, № 10 (38), March 3.
36. Chernomorcev, A. (1919), “Red Tsaritsin” [“Krasnyj Caricyn”], *Don Wave*, № 6 (34), February 3.
37. Chernomorcev, A. (1919), “Mironov, Kikvidze and Zaharevich” [“Mironov, Kikvidze i Zaharevich”], *Don Wave*, № 12 (40), March 17.
38. Chernomorcev, A. (1919), “Noah Ark” [“Noev kovcheg”], *Don Wave*, № 16 (44), April 14.
39. Chernomorcev, A. (1919), “Podvoysky, Sytin and other” [“Podvojskij, Sytin i drugie”], *Don Wave*, № 8 (36), February 17.
40. Chernomorcev, A. (1919), “After the fall of Tsaritsin” [“Posle padeniya Caricyna”], *Don Wave*, № 26 (54), July 7.